

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

X Международная научная конференция
Москва, 14–16 ноября 2013 г.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Выпуск 2

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

X Международная научная конференция
Москва, 14–16 ноября 2013 г.

**Секция 1
Философия образования**

Выпуск 2

Издательство Московского гуманитарного университета

2013

В93 Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция. Москва, 14–16 ноября 2013 г. : Доклады и материалы. Секция 1. Философия образования. Вып. 2 / отв. ред. А. В. Костина, Вал. А. Луков. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 72 с.

В выпуске публикуются материалы докладов, представленных участниками X Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» на круглом столе «Проблемы культурологического образования».

Ответственные редакторы
доктор философских наук, доктор культурологии
профессор А. В. Костина
доктор философских наук, профессор
Вал. А. Луков

Массовизация образования — массовизация общества[♦]

А. В. Костина¹

Для того чтобы быть эффективным — то есть, выполняющим функцию знаниевой преемственности — образование должно быть со-временным, соответствующим содержанию общественного развития государства в начале XXI века, его политике, идеологии, экономике, социокультурной сфере.

Сегодня общепризнанным выступает тезис о том, что главный вопрос сегодня — это «гуманитарные проблемы современного общества», это «проблема человека, во благо которого и развиваются технологии»², это выстраивание соответствующих стратегий в области образования, без которых будут безрезультатными усилия, направленные на обеспечение и поддержание конкурентности в области освоения передовых технологий»³.

Фактически эта гуманитарная составляющая образования нашла свое отражение в содержании *Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования*, где постулируется необходимость формирования у всех специалистов *наряду с профессиональными компетенциями и общекультурных*. Среди них:

— владение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;

— умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;

— способность находить организационно — управленческие решения в нестандартных ситуациях и готовность нести за них ответственность;

[♦] Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-03-00542а).

¹ Костина Анна Владимировна, декан факультета философии, культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, академик Международной академии наук (IAS).

² Колин К. К. Развитие информационного общества и проблемы образования // Высшее образование для XXI века : VI международная научная конференция, Москва, 19-21 ноября 2009 г. : доклады и материалы. М.: Изд-во МосГУ, 2009. С. 105.

³ Доклад ЮНЕСКО о положении дел в мировом образовании за 1991 г. — Париж, 1991.

- стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства;
- умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства самосовершенствования;
- способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы;
- готовность к уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям, к толерантному восприятию социальных и культурных различий;
- осознание значения гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации;
- готовность принять нравственные обязанности по отношению к окружающей природе, обществу, другим людям и самому себе;
- осознание сущности и значения информации в развитии современного общества; владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации;
- ориентация на применение методов и средств познания, обучение и самоконтроль для интеллектуального развития, повышение культурного уровня и профессиональной компетенции, сохранение своего здоровья, нравственное и физическое самосовершенствование.

Фактически овладение общекультурными компетенциями свидетельствует о сформированности личности с ее ярко выраженными индивидуальными характеристиками и повышенной креативностью. Выпускник вуза, овладевший этими компетенциями, способен к производству сложного интеллектуального продукта, специфика которого выражается в его идеальном характере, а также в характере самого процесса производства этого продукта, имеющего индивидуальный характер.

Однако реальные тенденции общественного развития, связанные с функционированием современного общества, в определенном смысле, *вступают в противоречие* с задачами формирования высоко индивидуализированной личности, обладающей креативным потенциалом, и высокой культуры, основанной на гуманистических идеалах. Увеличение числа тех, кто получает высшее образование в том его виде, как оно развивается сегодня — не только в России, но и во всем мире — наряду с безусловными позитивными следствиями этого процесса обладает и существенными недостатками.

Главный из них состоит в том, что современное образование — в значительной своей части — способствует не формированию креативной, свободной индивидуализированной личности, глубоко и верно понимающей смысл происходящего, но воспроизводству человека, способного мыслить утилитарно-прагматично, человека, обладающего характеристиками массовизированного индивида.

С чем это связано?

Основная причина — превращение высшего образования во «всеобщее», в массовое. Почему это произошло? — прежде всего, из-за востребованности самого диплома о высшем образовании. В обществе, ориентированном на переход к информационной экономике, образование становится гарантом социальной востребованности специалиста, его социального статуса и материального положения.

Инвестиции в образование, как показывают исследования, окупают себя «в 10-кратном размере, принося в среднем 30 процентов годового дохода в течение 30 лет»⁴.

Стремление получить диплом о высшем образовании в рамках рыночной экономики приводит к увеличению количества образовательных услуг и, соответственно, вузов, их предоставляющих. Не всегда качество образования в таких учебных заведениях соответствует необходимым стандартам. Поэтому в принципе, можно поддерживать политику Министерства образования в отношении неэффективных вузов. Главное, чтобы при такой сегрегации — следуя известной поговорке — с водой не выплеснули и ребенка.

Причем, в связи с демографической ситуацией мест в вузах в 2009-2015 годах было и предположительно будет больше, чем выпускников школ, что еще более облегчает доступ в вузы всем, даже имеющим знания, не соответствующие вузовской подготовке. Стремясь преодолеть этот разрыв между необходимыми знаниями первокурсников и реально существующими, многие вузы выстраивают учебные планы с учетом этой ситуации и вводят в дисциплины разделы, дублирующие на необходимом для обучения в вузе уровне уже освоенные в школе.

⁴ Drucker P. F. Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (US)-L. (UK), 1996. P. 127–128.

Еще одной причиной массовизации высшего образования становится его доступность. Это, безусловно, выступает идеалом любого национального государства, так как свидетельствует об определенном уровне жизни его граждан. Но всеобщая доступность высшего образования сочетается с его существенным *упрощением*. Оно обусловлено не только минимизацией конкурсного отбора абитуриентов, но и изменением принципов образования, не в полной мере ориентирующегося на формирование целостно мыслящей личности, способной самостоятельно анализировать современные процессы и ориентироваться в них.

Причем, *современное высшее образование* предполагает освоение не столько ряда компетенций, прописанных в образовательных стандартах высшего профессионального образования, сколько набора сведений, необходимых для прохождения различных видов тестирования, в том числе, введенных в России на федеральном уровне (ФЭПО) и требующих перестройки мышления студента и — соответственно всего образовательного процесса. Формированию такой модульной системы мышления, где дискретная информация не объединяется в подлинное знание, способствует и введение ЕГЭ и его разновидностей, подготовка к которым порой заменяет все другие формы общения преподавателя и обучающегося.

Где удастся сочетать принцип подготовки к тестированию с принципом подлинной передачи знаний? — в элитных школах, где существуют гласные и негласные формы отбора контингента учащихся и преподавательского корпуса, и в тех вузах, где дают качественное образование.

Таким образом, сегодня можно говорить о разделении граждан на две группы — не только получивших и не получивших высшее образование, но тех, кто получил подлинное университетское образование, позволяющее человеку выстраивать траекторию своего профессионального и личностного роста, и тех, кто получил не образование, а диплом о таковом.

Важно, что вторые обладают целым рядом специфических качеств — а именно, высокой требовательностью к обществу и слабым осознанием своих обязанностей по отношению к нему, неумением и нежеланием брать на себя ответственность в сложных ситуациях, неготовностью к поиску нестандартных решений в своей профессиональной сфере, настроенностью на действия по уже отработанному

алгоритму, неспособностью воспринимать свою профессиональную деятельность в связи с задачами смежных и не смежных профессиональных областей, осознанием своего образования как уже завершённого, а своих знаний — как достаточных для решения задач любой сложности, отсутствием понимания необходимости постоянного самосовершенствования как в профессиональной области, так и в общекультурной. Наконец, эти студенты отличаются деформацией исторического сознания, деформацией ценностной системы, где доминируют потребительские ценности, десакрализацией символического пространства, ориентацией на установки не патриотизма, а толерантности и мультикультурализма.

Конечно, совокупность этих качеств выступает, скорее, как некая гипербола, но каждая по отдельности из этих особенностей узнается в современных молодых людях.

Если сопоставить эти характеристики с теми, которые описывал в свое время еще Ортега-и-Гассет как характеристики массовизированного индивида, мы получим практически полное их соответствие.

Это позволяет говорить о том, что современное образование формирует не только личность с высоким творческим потенциалом, но — одновременно — производит индивида, обладающего признаками человека массы.

Важно, что эти процессы связаны не только со сферой образования и кризисом сложившихся образовательных и воспитательных моделей, но и со сферами экономики, политики, культуры. Процессы массовизации образования напрямую соотносятся с деиндустриализацией страны, в т.ч. в высокотехнологичных секторах экономики, с вытеснением цивилизации труда цивилизацией досуга, с эрозией этических оснований общества, с практикой мультикультурализма вместо ассимиляционной модели, с культурно-этнической фрагментацией общества, с размыванием среднего класса. Наконец, это связано с нарастанием социальной поляризации, когда рост числа людей с высшим образованием сопровождается ростом тех, кто находится у самого основания социальной пирамиды, а необходимость в специалистах, владеющих сложными технологиями, сопровождается необходимостью в тех, кто занят мало квалифицированным трудом.

Причем⁵, доля неквалифицированных рабочих растет соответственно росту страты интеллектуальной элиты, что образует сложную структуру, основные составляющие которой находятся в достаточно напряженном противостоянии. Все это ведет не только к массовизации общества, но и к его сегрегации, разобщению по культурным, т. е. языковым, ценностным, образовательным показателям.

Таким образом, развитие современного образования обладает рядом противоречий, которые состоят в следующем: реальным запросам современного развития в увеличении числа специалистов, получивших качественное университетское образование, противостоит тенденция превращения высшего образования во всеобщее, что приводит:

- во-первых, к разделению самих высших учебных заведений на элитные и ориентирующиеся на средний стандарт качества;
- во-вторых, к ориентации на реальные потребительские запросы и — соответственно — ориентацию на предоставление образовательных услуг всем, способным не столько к обучению, сколько к финансированию процесса образования, и, следовательно, снижению уровня подготовки выпускников;
- в-третьих, к изменению мотивации к образованию и ориентации не на углубление знания, а на получение сертификата образования в виде вузовского диплома;
- в-четвертых, к сегрегации общества на имеющих и не имеющих высшего образования, что усиливает социальную напряженность в обществе.

Что можно сделать в данной ситуации, как преодолеть тенденции массовизации общества и его сегрегации, в том числе, через институты образования?

1. На уровне государственной политики необходимо осознание того, что только определенный уровень образования может позволить гражданам ставить лояльность к государству выше различных локальных или региональных привязанностей. Через институт образования государством формируется определенная идеологическая и ценностная гомогенность, которая становится основанием для развития институтов гражданского общества. Условием эффективного взаимодействия людей становится сфера культуры — прежде всего,

⁵ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 96.

язык, общая сакрализуемая история, помогающая создать единые символы и ориентиры развития, искусство, содержащее универсальную концепцию жизни всей нации, и конечно, образование, образующее каналы для распространения социально значимой информации⁶.

2. *Усилить в самом образовании гуманитарную составляющую. Особенно, это касается узко-профессионального образования, необходимого для обеспечения эффективной трудовой деятельности и заменяемого функциональным обучением ряду производственных навыков. Это позволит преодолеть тенденции массовизации в образовании и выдвинуть в качестве основной цели образования овладение культурным смыслом профессии.* Специалист, владеющий культурой профессии, при разработке экономических программ будет исходить не только из их эффективности, но будет прогнозировать пути для разрешения их возможных негативных последствий для наименее защищенных групп граждан, рассчитывать, как изменится структура профессиональной занятости, приведет ли это к трудовой миграции, повысится ли в связи с этим национально-культурная напряженность, а если да, то посредством каких культурных механизмов ее можно привести в норму, как изменится этническая и гендерная структура региона и как повлияют эти трансформации на демографическое его состояние, каковы пути преодоления негативных последствий этих процессов и т. д. и т. п.

И если подобные проекты создаются не просто специалистами, овладевшими экономической деятельностью, а специалистами, овладевшими экономической культурой, тогда при принятии решений они будут учитывать не только экономическую аргументацию, но и социокультурную. Одна из основных задач образования как раз и состоит в *формировании социокультурной компетентности специалиста* как способности, необходимой для ответственного решения профессиональных задач, осмысленных в социокультурном контексте.

3. Современное образование должно, прежде всего, готовить выпускника не к заранее заявленной (еще при поступлении) профессии, а к постоянному поиску, обновлению, готовности приспособляться к новым ситуациям, решать возникающие проблемы. Задача современного образования — сформировать у выпускников соответ-

⁶ Deutsch, Karl W. Tides among Nations. New-York: Free Press, 1979. P. 301-305.

ствующие компетенции (познавательные, коммуникативные, личностные, креативные и т. д.), подготовить к жизни и деятельности в меняющемся мире.

Современное инновационно развивающееся общество не может заранее готовить специалистов для определенных видов деятельности, потому что пока выпускники выйдут на рынок труда, появится общественная необходимость (социальный заказ) в каких-то новых видах труда, о которых четыре-пять лет назад, когда студенты выбирали себе специальность, еще и не догадывались. И чем более неожиданной деятельностью они займутся, чем более непредсказуемые сферы активности освоят, тем более успешными они смогут стать, тем скорее их инновационные порывы будут интересны для общества. Современное общество устремлено к инновациям, только за счет нововведений оно может развиваться, называть себя обществом знания, что означает, что от человека ожидается владение определенным набором выработанного человечеством знания и на основании этого знания человек должен двигаться дальше, осваивать новые виды деятельности, предлагать креативные необычные проекты.

Реализация всех этих требований не является **невыполнимой** задачей, хотя и требует пересмотра ряда принципов высшего образования.

Но только учет этих позиций сможет способствовать преодолению тенденции массовизации высшего образования, а главное — преодолению тенденции превращения современного российского общества в общество классическое массовое.

Соотношение категорий «инновационное развитие общества» и современная «кросс-культура» как объект методологического рассмотрения

Я. С. Турбовской⁷

Представленная на коллективное обсуждение проблема, в сути своей, представляет выявленную необходимость рефлексивного ответа на вопрос «Что нужно и можно сделать в условиях глобализации для исторически востребованного развития общества в его взаимодействии с государством?». И можно, наверное, утверждать, что среди нас нет никого, кто бы сомневался в чрезвычайной, жизненно обусловленной актуальности такой постановки проблемы. Но можно также утверждать, что степень плодотворности ее *коллективного* обсуждения находится в прямой зависимости от одного условия, игнорирование или несоблюдение которого изначально обрекало и обрекает все наши совместные усилия на бесплодность. И суть его состоит в том, чтобы, как принято считать, «договориться о терминах» Но, к сожалению, даже при искреннем стремлении воплотить в жизнь это требование в каждом рефлексивном обсуждении, мало что получается. Тем более в тех случаях, когда в нем участвуют люди с разными взглядами, ценностями и мировоззренческими установками. Ибо «договориться» невозможно, по определению, хотя декларирование такой методологической установки, если исходить из объективной значимости доброжелательности в межличностном общении людей с разными взглядами, это лучше, чем ничего.

Объективная сложность в том, что термины, о содержательной трактовке каждого из них даже договорились, в соединении друг с другом образуют определенную *смысловую данность*, не только не тождественную каждому из них в отдельности, но и принципиально несводимую к ним. При этом эта «нетождественность», представляющая *новый целостный смысл*, не только не игнорирует смысловой специфичности каждого термина, а наоборот, именно ею, как это ни парадоксально, и образуется. И если прибегнуть к сравнению, хотя, как известно, все сравнения «хромают», то всякое смысловое сочетание разных терминов и понятий можно уподобить близости мужчины и женщины, от которой рождается ребенок, но

⁷ Турбовской Яков Семенович, заведующий лабораторией «Философия образования» Института теории и истории педагогики РАО, доктор педагогических наук, профессор, президент Академии творческой педагогики, член Славянской Академии, академик и член президиума Академии социально-психологических наук.

он — этот ребенок — новая в своей неповторимой уникальности жизнь, не тождественная никому из тех, кто его породил.

И я так подробно останавливаюсь на этом методологическом феномене, потому что в каждой обсуждаемой формулировке существенно значим только тот смысл, который, с одной стороны, представляет непознанную объективную данность, с другой же — является определяющей эффективностью наших коллективных усилий выдвигаемой целью.

Поставленная на обсуждение в моем сообщении проблема представлена именно в такой формулировке, в которой наличествует, как представляется, тот смысл, который определяется в условиях глобализации возникающими и все усиливающимися зависимостями не от культуры, а от — кросс-культуры, все более охватывающее наше духовно-нравственное бытие.

Хотя на первый и очень поверхностный взгляд в самой формулировке нет ничего особенного и необычного. Признавая, что мир все больше начинает находиться в условиях кросс-культуры, мы не можем не понимать, что в этих условиях обществу, каждой стране — **и РОССИЯ не представляет исключения** — приходится находить пути, если и не наилучшего, то, по крайней мере, оптимального развития применительно к этим условиям. Вот и думать и пытаться ответить нам придется, не растекаясь при этом мыслью по древу, как в таких исторически новых условиях, по крайней мере, минимизировать свои духовно-нравственные потери.

И мне представляется, что подобная последовательно раскрываемая позиция не вызовет особых возражений. Как не вызывают возражений постоянно раздающиеся установки типа «двигаться вперед», «добиваться еще большего», «всемерно совершенствоваться» и т. д. Хорошие ведь пожелания. И с чем здесь спорить, против чего возражать? Ведь, и вправду, быть и богатым и здоровым лучше, чем бедным и больным. И в качестве самого убедительного несоответствия этого призыва и его реального осуществления, что хорошо известно каждому, можно привести такой и тоже известный факт: как много появилось людей, учащих других, как разбогатеть. Чего бы им самим не воплотить в жизнь своих рекомендаций?!

И поэтому обсуждение сформулированной темы будет по-настоящему эффективным, если мы не только будем призывать друг друга к согласию с тем, с чем и так согласны, а постараемся отнестись к поставленному на обсуждение вопросу как к вопросу, ответа на который мы **не знаем**. И добиться этого, как представляется, можно будет, если мы постараемся высветить, то, что заявляет о себе, и без чего мы не сможем по-настоящему выполнить свою задачу.

Но для того чтобы отнестись к вопросу как выявленному *незнанию*, и в этом суть и методологическое обоснование рефлексии, надо оттолкнуться от определенной предваряющей совокупности подвопросов, благодаря которой возникает проблемная ситуация, позволяющая создать логическую цепочку взаимосвязанных концептуально суждений, и тем самым, создающих смысловые границы аналитического контекста. Исследовательская значимость этих подвопросов проявляется в том, что они позволяют аналитически перейти *от знания — к незнанию*. Причем именно в сущностно значимом смысле понятия «перейти».

Вынужденно признав за кросс-культурой⁸ системообразующую совокупность условий развития, порождаемых происходящими в мире глобализационными процессами, общества, мы, тем самым, по определению и неопровержимо, исходим из двух констатаций. *Первая* состоит в том, что мы признаем факт исторического возникновения в развитии социума и всех видов общественных отношений *принципиально новой разновидности культуры*, которая обладает только ей присущими особенностями. И именно эта разновидность уже существует как данность. *Вторая* — в том, что именно эти особенности определяют развитие общества и с которыми нельзя не считаться. И, следовательно, искомая совокупность подвопросов, в сути своей, сводится к необходимости не только определить, что такое «кросс-культура», но и в чем ее отличие от «культуры» как таковой и почему она определяет собой совокупность условий, от которых зависит развитие общества? И что в действительности изменится в мире с ее историческим возникновением?

Но для нас ответ на эти вопросы не является самоцелью. Ибо их смысловая значимость определяется сущностной направленностью обсуждаемой проблемы, связанной с поиском ответов, как нужно в современных условиях *по-новому* действовать, не теряя при этом традиционно присущих отечественной культуре ценностей. Поэтому нужны такие определения, которые позволяют ответить на казалось бы принципиально другой вопрос — «Каким может и должно быть востребованное глобализацией *инновационное развитие общества*, способное в условиях кросс-культуры исходить из фундаментальной значимости духовно-нравственных ценностей»? Предваряющая совокупность таких подвопросов нам методологически нужна для того, чтобы создать еще одну группу вопросов, которая и может стать основой для обеспечения последовательного перехода от наличествующего знания — к искомому незнанию.

⁸ Cross Culture (анг.) — пересечение культур.

Но как только мы признаем, что нам необходимо раскрытие понятия «инновационное развитие общества», мы, тем самым, столь же неопровержимо утверждаем, что нас *не устраивают* существующие пути решения этой жизненно необходимой проблемы. К тому же мы столь же определенно утверждаем, что используемыми методами этого добиться невозможно, потому что современную действительность определяет — жестко и однозначно — *не культура, а именно кросс-культура*. И, следовательно, в проявлениях этой самой кросс-культуры есть нечто такое, что требует от нас не «оптимальных», не «улучшенных», а именно *инновационных решений и действий*, без которых современному социуму не обойтись.

И, следовательно, нам только в такой степени удастся справиться с такой задачей, в какой мы сможем ответить на вопрос «В чем должна состоять искомая инновационность?» И именно ответ на этот вопрос поможет не только нам, но и живущим в разных странах, по-разному испытывающим давление происходящих в мире процессов и тенденций. И, как представляется, гипотетическая возможность нужного ответа ставится в прямую зависимость от соотношения категорий «культура» и «кросс-культура», создающего фундаментальную основу для рефлексивного поиска.

Сопоставительный анализ позволяет установить, что «кросс-культура», будучи разновидностью «культуры», в то же время не только принципиально отличается от нее, но и, отторгая ее генетически-традиционную природу, несет в себе опасность изменения исторического отношения к культуре как таковой.

Ведь культура, исходя из своей сущности, воплощала в себе все лучшее, характерное для этноса и, концентрируясь в его опыте, последовательно передавалась из поколения в поколение. И именно эта возвращаемая и воспроизводимая последовательность определяла историческую значимость народа, составляя совокупность его духовно-нравственных ценностей, норм и социальных ориентиров. И эта фундаментальная значимость культуры как субъекта исторического бытия и развития каждого этноса и народа находила свое отражение в основных понятиях, характеризующих культуру. Культура «развивалась», «служила», «определяла», «обогащалась», «отстаивала себя, свою особость» и т. д. Исторически сложилось, что культура народа как историческая данность *стремилась* к самосохранению. Ее самодостаточность всемерно подчеркивалась и всячески охранялась, а любое предлагаемое изменение нередко воспринималась как угроза или вообще не воспринималась. При этом, во всем, что касается культуры, определяющую роль играл фактор времени. И должны были пройти в буквальном смысле годы, а то и де-

сятилетия, чтобы та или иная новация утвердилась в традиционной культуре и стала всеми признаваемой.

Принципиально иначе утверждает себя и системно проявляется кросс-культура. Ее возникновение если и не одномоментно, то, несомненно, изначально жестко радикально. При этом, становясь социальной данностью, она преследует и решает цели, для достижения которых именно традиционная культура становится используемым средством. И ведет себя кросс-культура в прямом соответствии с определенными интересами, не только не исключая агрессивных форм противостояния, а откровенно прибегая к ним.

Рынок и совокупность порождаемых им общественных отношений как фундаментальная основа глобализации внес принципиальные изменения во всю совокупность проблем, определяющих логику разрешения подобных конфликтов. Превращение всей совокупности материальных и духовных носителей, включающих культуру, в товар, неодолимо привело и не могло не привести к возникновению общества потребления. И культура, будучи товаром, стала играть в установлении этих отношений, если и не основную, то одну из определяющих ролей.

К тому же глобализация, как и любое исторически возникающее явление, по-разному заявляет о себе в неравномерно развитом мире. И, следовательно, государства с более развитыми формами культуры, способных не только удовлетворять людские потребности, но и формировать их, исторически оказываются в более выгодном положении. При чем ситуация оказалась настолько гнетущей для многих народов, что даже такие страны, как Франция, были вынужденными принимать особые меры для неотложного спасения своей национальной культуры.

В результате в современных условиях не только киноискусство, но и художественное и дизайнерское творчество, и, тем более, менеджерская деятельность относятся к культуре как к товару и эффективному средству добиваться экономических успехов, учитывая особенности «местной культуры». Причем, бизнес ничем не брезгует, и в ход идут не только самые отсталые, самые низменные проявления, но и самые высокие, порой признанные во всем мире произведения и образцы культуры.

Но сложность нахождения нужного решения проблемы и в том, что происходящие в мире процессы глобализации, как и любое социальное явление, не представляют и, по определению, не могут представлять, концентрированного выражения всего только отрицательного. Глобализация при всех своих, несомненно, негативных чертах в тоже время представляет собой очередной исторический этап развития, предоставляющий потенциально-уникальную воз-

возможность возвращения миру, всему человечеству необходимой целостности. И те же монополии, объединяющие в ряде случаев капитал представителей разных стран, и, конечно, преследуя свои корпоративные интересы, объективно — безотносительно к своим устремлениям — способствуют решению этой великой и жизненно необходимой человечеству задачи. И широко распространенные в мире языки, несомненно, в первую очередь служащие интересам определенной группы государств, тоже — и весьма активно — льют, образно говоря, воду на эту мельницу. И даже невиданная по своим масштабам мобильность людей, порождаемая той же глобализацией и порождающая множество сложнейших социальных конфликтов, не может не рассматриваться в контексте объединяющих человечество тенденций. И таких примеров, подтверждающих историческую продуктивность глобализационных процессов, не счесть. Да и не в них дело. За этими примерами неустранимость закона параллельного действия, выявленного и системно обоснованного — А.С.Макаренко. Суть этого закона в том, что любой процесс, любое производимое действие неизбежно создает параллельно возникающее действие. И все дело в том, чтобы, зная об этой неизбежности, понять, в чем и как она проявляется, и как этим можно целенаправленно воспользоваться. И эта установленная великим педагогом закономерность не знает исключений. И значит, что протекающие в мире глобализационные процессы не могут не производить в современном мире параллельных влияний. И традиционная культура, даже используемая как средство, несомненно, не только способствует достижению выдвигаемых государствами или корпоративными объединениями целей, но в то же время оказывает и не может не оказывать влияния на всю сферу общественных, включая межличностные, отношений. И все усиливающиеся призывы к толерантности, и превращение самой «толерантности» в нравственную норму и нравственную ценность является одним из проявлений возникающей параллельности воздействия. Но возникновение такой ценности как «толерантность» не предел мечтаний человечества, да и к тому же, она продолжает оставаться больше в сфере деклараций и пожеланий, по крайней мере в большинстве стран, нежели достоянием реальной действительности.

И обращение к термину «инновационное развитие общества» самым убедительным образом отражает факт признания востребованной необходимости решения этой проблемы с таких исходных позиций. При этом — что принципиально значимо — сам термин «инновационное развитие общества» наполняется новым смыслом, несводимом только к «новизне», но и к принципиально другой логике его содержательно-сущностного наполнения.

И логика эта вытекает из того, что глобализация не только порождает жестко негативные тенденции, связанные с беспределом конкурентной борьбы, навязываемой миру шаблонизированной культурой, но и, что выше отмечалось, создает возможность целенаправленного укрепления целостного развития мира. И значит, необходимо обеспечивать действительно инновационное развитие общества, *не сводимое к отдельным фрагментарным новациям*. И предпринимаемое нами аналитическое соотнесение категорий «инновационное развитие общества» и «кросс-культура» создает методологические предпосылки для выявления путей и возможностей осуществления необходимых решений. И реальная состоятельность этих решений определяется тем, что инновационное развитие, не сводимое к одноактным новшествам, требует определенной и обоснованной стратегии, вбирающей в себя все стороны духовно-нравственного бытия и развития общества в XXI веке.

Но сложность достижения такой буквально парадигмальной цели упирается в одно обязательное условие, без соблюдения которого все, что связывается с понятием «стратегия», превращается в набор деклараций и невыполняемых требований. И опасность такого превращения тем более угрожающа, так как без обязательного соблюдения этого условия напрямую зависит все, что происходит и будет происходить в обществе.

Ведь кросс-культура — это возникший в силу исторической обусловленности сплав *разных культур*, обладающих специфическими особенностями и в чем-то противоречащих друг другу. И их взаимодействие, особенно строящееся на неравных основаниях, не может протекать без осложнений, нередко приводящих к открытым конфликтам.

Но за такими обобщенными утверждениями, не нуждающимися, к сожалению, в особых доказательствах, как бы «скрывается» очень важное, но не принимаемое во внимание обстоятельство. И суть его в том, что сами по себе «культуры» — *не взаимодействуют*. Взаимодействуют люди и продукты их деятельности. Именно люди являются в реальной действительности активными носителями, защитниками и выразителями определенных культур. Это люди *борются, конфликтуют, навязывают свои взгляды и ценности, выдвигают цели и стремятся их достигать*. И в этих общеизвестных утверждениях актуальным и особо значимым является контекст, определяющий их смысловую направленность. Т. е., если *стратегия*, не реализуемая в конкретных задачах, методах, делах и поступках, превращается в схоластическую декларативность, то исследовательская предназначенность создаваемого контекста и состоит в том, чтобы раскрыть и наполнить содержательностью ожи-

даемые и необходимые *конкретные действия*, обеспечивающие исторически востребованное инновационное развитие общества. И особенность такого решения состоит в том, что оно должно вытекать не из идеологии, не из политики, а — единственное и только — из исторически-традиционной культуры, даже при активном стремлении ее превращения в товар и средство достижения экономических целей. И в этом состоит диалектическая сложность выхода из сложившейся ситуации. Ибо, с одной стороны, мы должны отказаться для достижения этой цели от использования авторитарных методов, и от какого либо бюрократического давления, с другой — не можем и должны оказаться в ситуации декларативной беспомощности. И, как представляется, выход из этих исторических жерновов, в которых оказывается любая страна в условиях глобализации, только в целенаправленном использовании формирующих возможностей *общечеловеческой культуры в органическом единстве с тем лучшим и гуманистичным, что есть в каждой национальной культуре*.

Но сложность эффективного решения столь жизненно важной задачи при осознаваемой необходимости отказа от использования авторитарных, административно бюрократизированных методов борьбы с кросс-культурой будет находиться в прямой зависимости только от одного необходимого условия: насколько мы окажемся способными делать это увлекательно и интересно, в полном смысле этого слова — эмоционально захватывающе по отношению к человеку. В противном случае, без обеспечения его активного включения в это пространство, создаваемого исторически обусловленным пересечением культур, не будет даже возможности противодействия негативным проявлением глобализационных процессов.

И, следовательно, речь должна идти о системном формировании *готовности личности противостоять* низкопробным и при этом агрессивно-тотальным проявлениям кросс-культуры, чего невозможно добиваться без присущего личности художественного вкуса, сформированной совокупности критериальных ценностей, без которых не сделать выбора между «хорошим» и «плохим», «нравится» и «не нравится», между «можно» и «нельзя». А такая готовность личности с неба не падает, и не зависит от самых замечательных пожеланий. Тем более что ее придется формировать в условиях открытого противостояния негативным влиянием кросс-культуры. Причем противостоять системно, на всех уровнях и во всех видах общественных отношений. И все что для этого может быть привлечено и использовано не должно быть упущено и обойдено нашим вниманием. В первую очередь это касается всей совокупности связанных с образованием вопросов, включая, в первую очередь, во-

просы воспитания и образования личности⁹, без решения которых нет даже малейшей надежды внести коренные изменения в развитие общества. И только школа, *не втянутая в рыночные отношения*, потенциально способна системно решать проблему преемственности в передаче социального, вбирающего в себя культуру, исторического опыта. И только благодаря системе образования общество может организовано и системно противостоять негативным тенденциям, порождаемым кросс-культурой. Но современная школа не только не противостоит этим тенденциям, а — если говорить откровенно — во многом только их усугубляет. И нет особой необходимости в очередной раз доказывать, насколько плачевно положение современного образования вообще, так как это общеизвестно, но хуже всего то, что даже все связываемое с преподаванием гуманитарных учебных предметов, не выдерживает никакой критики. И самым печальным критерием такой жесткой оценки является явная неспособность образования обеспечивать личностную готовность каждого из вступающих в жизнь поколений к противостоянию массовой культуре во всех ее негативных проявлениях, и всему тому, что порождается глобализационными процессами. В своей работе «Педагогическая аксиоматика»¹⁰, основанной на результатах проведенного исследования, доказывается, что одним из самых негативных явлений, происшедших в РФ, является разрыв между культурой и образованием, сведенный, по сути, к деятельности двух плохо взаимодействующих ведомств — министерства культуры и министерства образования. А без восстановления их системного и при этом продуктивного взаимодействия трудно, если и не невозможно, рассчитывать на решение поставленной на обсуждение проблемы.

Отсюда, перед деятелями науки, культуры и образования, в качестве неотложной возникает задача попытаться совместно решать всю совокупность проблем, от которых зависит *системная эффективность образования* в формировании личности, способной и стремящейся противостоять негативным проявлениям кросс-культуры. Именно системная эффективность, включающая и разработку принципиально новых учебных программ, учебников, методических пособий и, конечно, профессиональную подготовку кадров.

⁹ Образование имеет два разных смысловых значения. Оно трактуется и как процесс «обучения, просвещения», и как «появление, возникновение, формирование чего-либо». Новый энциклопедический словарь М., 2013., с.931. Второе определение, раскрывающее формирующую предназначенность образования, к сожалению, не только упускается из вида, но и — как тенденция — в сути своей сводится к первой трактовке.

¹⁰ Турбовской Я. С. Педагогическая аксиоматика. М. :Издательский центр АНОО «ИЭТ», 2013.

Но для решения столь необходимой задачи нужно соблюсти еще одно условие, без которого невозможно сколько-нибудь эффективное противостояние негативным влияниям глобализационных процессов. И условие это — *талантливость исполнения*. Не порождая любви, не затрагивая сердец, не вызывая желаний и потребностей, невозможно переломить сложившуюся ситуацию, и, тем самым, сформировать готовность вступающих в жизнь поколений наследовать духовно-нравственные ценности культуры и лучшие традиции своих народов.

И поэтому мы буквально вынуждены осознать, что наше стремление придать общественному развитию инновационный характер зависит от того, насколько будут талантливыми создаваемые образцы искусства, моды, поведения, межличностных отношений, служения своему народу, сохранения и отстаивания личностью его духовно-нравственных ценностей. И творческое создание таких формирующих образцов духовно-нравственного бытия и развития личности в современных условиях сможет стать одной из фундаментальных основ по-настоящему инновационного развития общества в XXI веке в условиях кросс-культуры.

Гуманитарное знание в вузе и тезаурусная концепция *Вал. А. Луков, Вл. А. Луков¹¹*

Работа осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-33-01055 «Тезаурусный анализ в гуманитарном знании»)

По мере осмысления в ходе десяти Международных научных конференций «Высшее образование для XXI века», проводимых в Московском гуманитарном университете с 2004 г., сущности и конкретного содержания высшего образования все яснее становится

¹¹ *Луков Валерий Андреевич*, проректор Московского гуманитарного университета, директор Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент Русского отделения Международной академии наук (IAS).

Луков Владимир Андреевич, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь — руководитель секции гуманитарных наук Русского отделения Международной академии наук (IAS), академик-секретарь Международной академии наук педагогического образования.

центральное положение в высшем образовании любого направления, любой специальности, любой последующей практической сферы применения гуманитарного знания¹².

Раскрытие этого фундаментального понятия в последнее время все более тесно увязывается с представлением о культурных тезаурусах¹³. В самом деле, сущность тезауруса раскрывается прежде всего в его связях со средой бытования, каковой выступает гуманитарное знание. Собственно, когда мы обозначаем понятием «тезаурус» полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, то и имеем в виду гуманитарное знание, т. е. такое, которое существенно для человека, человеческих групп и обществ с точки зрения обеспечения их жизнедеятельности. Иначе говоря, это вообще все знание, накопленное человеком и человечеством, и можно было бы опустить слово «гуманитарное», но оно отражает аспект, который нас интересует применительно к тезаурусу, а именно *субъектность*, которая при другой перспективе в трактовке знания может быть и не замечена или более того — воспринята как вредоносная черта, подрывающая истинность знания и подлежащая изживанию, преодолению.

Гуманитарное знание не равно по своему объему и содержанию гуманитарным наукам. В силу этой несводимости первого ко второму в отношении гуманитарного знания не должны применяться те же принципы атрибуции, как в отношении гуманитарных наук. Тем не менее небезынтересно в дискуссиях о специфике гуманитарных наук увидеть определенную связь с тезаурусным конструированием гуманитарного знания в той части, где его содержание и форма организуется и регулируется принципами научности.

¹² См., напр.: Образование для XXI века: VIII Международная научная конференция. Москва, 17–19 ноября 2011 г. : Доклады и материалы. Секция 1. Философия образования / отв. ред. А. В. Костина, А. Э. Воскобойников. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

¹³ См.: Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008; Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2013. См. также: Костина А. В. Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры. — 2008. — № 5. — С. 102–109; Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира: Теоретические проблемы : науч. моногр. — М. : ГИТР, 2012.

Известный российский философ В. М. Межуев, полемизируя с учеными, относящими к гуманитаристике всю область антропологических и социальных исследований и утверждающими, что происходит интеграция естественных и гуманитарных наук на принципах методологического изоморфизма¹⁴, замечает: «Называть гуманитарными все науки о человеке в буквальном смысле, конечно, можно, но в содержательном плане совершенно неверно и бездоказательно»¹⁵. Для классификационных целей есть основания согласиться, что те из наук о человеке, которые изучают его вне текста и независимо от него, не относятся к гуманитарным наукам, на что указывал М. М. Бахтин¹⁶ и что принимает как исходное положение В. М. Межуев¹⁷. В итоге делается вывод, что гуманитарные науки не покрывают всего пространства культуры. «В равной мере культура, создаваемая и транслируемая электронными средствами массовой информации — так называемая массовая культура, образует предмет особого блока знания — социологического, который также не назовешь гуманитарным»¹⁸. Что же остается гуманитарно? «Свободная индивидуальность как источник, субъект творческой деятельности и есть предмет изучения гуманитарной науки. В таком качестве человек не постигается никакой другой наукой, кроме как гуманитарной», — утверждает В. М. Межуев¹⁹. Такой подход вполне приемлем, если только относить его к классификации наук и далее достигать в его отношении согласия научного сообщества в порядке конвенционализма, но вряд ли его можно относить к гуманитарному знанию (а В. М. Межуев пользуется терминами «гуманитарные науки» и «гуманитарные знания» как синонимичными), поскольку оно не может быть сведено к исследованию письменных текстов и более того — не замыкается в пределах науки как формы общественного сознания.

Впрочем, это лишь одна из имеющихся позиций. В распространенных определениях гуманитарных наук акцент делается на двух основных характеристиках. Первая отражена в определении,

¹⁴ В. М. Межуев ссылается на авторов сборника статей: Наука глазами гуманитария / Ин-т философии РАН. М., 2005.

¹⁵ Межуев В. М. Гуманитарная наука и идеология // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние : материалы постоянно действующего науч. семинара. Вып. 2. М. : Науч. эксперт, 2007. С. 9.

¹⁶ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285.

¹⁷ См.: Межуев В. М. Указ. соч. С. 17–19.

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 19. *Курсив автора.*

которое зафиксировала Википедия: «Гуманитарные науки — дисциплины, изучающие человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности. По объекту, предмету и методологии изучения часто отождествляются или пересекаются с общественными науками, противопоставляясь при этом естественным и точным наукам на основании критериев предмета и метода. Если в других науках важна конкретность, то в гуманитарных, если и важна такая точность, например описания исторического события, то и важна многогранность и даже безграничность такого произведения (описания), так, чтобы, по возможности, каждый человек находил в нем нечто свое, получая при этом определенное эстетическое удовлетворение»²⁰. Вторая характеристика встречается в некоторых справочных изданиях, например, в «Экономическом словаре»: «Гуманитарные науки — слабо формализуемые, “неточные”, не обладающие четкой аксиоматикой науки (в отличие от естественных наук); к ним относятся в первую очередь философия, экономика, социология, психология, филология, правоведение и др.»²¹.

Первое из приведенных определений концентрирует внимание на *содержании* гуманитарных наук как направленных на изучение человека в определенных аспектах, второе — на *форме*, в какой такое знание предстает. Существенно, что в содержательной характеристике появляется субъект, который из гуманитарных наук получает для себя «нечто свое», а это не что иное как первоэлемент тезауруса. Во второй характеристике отмечается слабая формализация гуманитарных наук, а именно такой класс задач разрешается в повседневности человеком и группами людей с опорой на тезаурус как ориентационный комплекс.

Вот почему понятие тезауруса без большого напряжения вошло в такие науки, как социология, культурология, филология, антропология, педагогика, в мировоззренческие дисциплины философского круга — философию культуры, социальную философию, философскую антропологию и др. В опоре на него могут проясняться

²⁰ См.: Гуманитарные науки // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

²¹ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/>

некоторые вопросы, которые в теоретическом плане не всегда убедительно могут трактоваться в других парадигмах этих наук.

В самом общем виде ведущая теоретическая проблема в науках о культуре и обществе состоит в выяснении того, как соединены общество и личность и как с личностного уровня перейти на уровень общественный, не нарушая логики обобщений.

Первоначально эта проблема встраивалась преимущественно в социально-философский контекст. Известное расхождение между позитивистами Огюстом Конттом и Гербертом Спенсером по вопросу о том, что есть общество, показывает, в чем парадоксальность теоретической ситуации. Конт рассматривал индивида в качестве абстракции, реальность же связывалась им с обществом: оно-то (через распространение идей) управляет мыслями и действиями человека. «Идеи правят миром и переворачивают его, весь его механизм в конечном счете основывается на мнениях»²², — обобщал свои представления по теме «личность–общество» французский социальный философ и социолог. У английского позитивиста Г. Спенсера — прямо противоположная теоретическая конструкция: общество — лишь агрегат индивидов, индивид не должен быть поглощен социальным организмом. По Спенсеру, «корпоративная жизнь... должна подчиняться жизни отдельных частей, а не жизнь отдельных частей — корпоративной жизни»²³. Этот принципиальный спор даже в пределах одного философского и научного направления, тем более в конкуренции научных парадигм, наблюдается и в дальнейшем вплоть до настоящего времени.

Попытки разрешить спор путем сужения понятия «общество» вряд ли перспективны для данных целей. К ним можно отнести трактовку проблемы Дж. Хомансом в известном труде «Человеческая группа», где он прозорливо — имея в виду последующее развитие социологической теории — утверждал: сколько бы ни были крупными социальные организации, в которые включен человек, он всегда общается непосредственно с небольшим числом людей, его поведение определяется в рамках небольшой группы. На материале наблюдений за такими группами и возникают социологические абстракции «первого порядка»²⁴. Это глубокое наблюдение, однако

²² Цит. по: Култыгин В. П. Классическая социология. М. : Наука, 2000. С. 34.

²³ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские : пер. с англ. Минск : Современный литератор, 1998. С. 277.

²⁴ См.: Homans G. The Human Group. N. Y. : Harcourt Brace, 1950.

проблема «личность–общество» им не снимается. Она по-прежнему во многом определяет дистанцирование макро- и микросоциальных теорий, качественной и количественной стратегий исследования общества и культуры. В рамках постмодернистского отрицания теоретических основ структурного функционализма и утверждения социальных теорий без центрального звена, без междисциплинарных границ и без ограничений на методологический коллаж дилемма «личность–общество» утратила значение камня преткновения, но при этом, в сущности, сохранила вид нераскрытой тайны для будущего.

Тезаурусный анализ показал, что тайна может быть раскрыта, более того — уже раскрыта: социальная философия, социология, культурология нашего времени фактически нашли пути решения означенной дилеммы. Конт, Спенсер и те, кто продолжил давний спор о соотношении личности и общества, сопоставляют эти две сущности *непосредственно*, отсюда это только теоретическая заявка, решаемая лишь в отдельных фрагментах, но в целом не реализуемая последовательно, а потому неубедительная. Очевидная дискретность составляющих пару понятий «личность–общество» ставит задачу не только констатировать наличие их связи как чисто логической формы, но и указать, каким путем эта связь осуществляется, через какие механизмы. Открытие этих путей и механизмов следует признать важнейшими событиями в гуманитарных науках конца XX века: *идентификация* — и есть мост между личностью и обществом, а *социальное конструирование реальности* — способ, каким идентификация приобретает свое содержание²⁵. Таким образом, мода на эти два термина в современных гуманитарных науках лишь отражает то, что найден ключ к наиболее сложным теоретическим вопросам понимания Происходящего²⁶ как на уровне индивидуальных социальных и культурных практик, так и общества и культуры в целом.

²⁵ Небезынтересно и обратное соотношение: идентичность выступает как предпосылка социального конструирования реальности. См. об этом: Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации : Социально-философский анализ взаимодействия экономики и общества. М. : Культурная революция, 2008. С. 399–401.

²⁶ О концепции Происходящего см.: Ильинский И. М. Между Будущим и Прошлым : Социальная философия Происходящего. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Его же. Прошлое в Настоящем : Избранное. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011; Луков М. В. Социокультурное конструирование Происходящего (тезаурусный анализ феномена телевидения). М. : ГИТР, 2012.

Необходимо отметить, что на относительно небольшом отрезке исторического времени в разных странах и в парадигмах разных наук сформировались — частью независимо, частью по предварительному знакомству с идеями предшественников — теории, проясняющие существенные признаки социокультурного поведения людей. Некоторые из этих теорий своей базой имеют концептуальное обоснование особой роли идентификационных механизмов и конструирования реальности. Специфика подхода в этом случае состоит в том, что эти способы организации человеческого поведения не сведены к свободе индивидуального выбора, а показаны как сформированные жизнью в обществе, в границах определенной культуры. То, что эти способы обозначаются при помощи разных терминов: габитус — у Бурдьё, социальное конструирование реальности — у Бергера и Лукмана, человек — у А. А. Зиновьева, фреймы — у И. Гофмана, структуризации — у Э. Гидденса и т. п., — не должно затушевывать главного: в современном постпостмодернистском гуманитарном знании, в которое возвращается его конструктивность и системность, все же границы между науками потеряли значение отстаиваемых рубежей. Кроме того, идиосинкразия в методологии большей частью преодолена, разворачивается параллельный поиск основных смыслов и способов реализации социальности и культурной соотнесенности человека. Многообразие близко стоящих теорий здесь совершенно не помеха: они дополняют друг друга и в своей совокупности порождают дальнейшее развитие теорий человека, культуры, общества.

В этом ключе мы рассматриваем и близость тезаурусной концепции к названным теориям: смысл тезаурусного подхода в немалой степени проясняется теоретическими параллелями, содержащимися в трудах Г. Зиммеля, Р. Парка и других «чикагцев», А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдьё, И. Гофмана, Э. Гидденса, А. А. Зиновьева, П. К. Анохина, К. В. Судакова. Однако в нем есть свой ракурс проблемы, который оказался незамеченным или иначе интерпретированным в философской, социологической, культурологической литературе.

Этот ракурс подчеркнут в тезаурусном методологическом подходе прежде всего в понимании его центральной категории — тезауруса. Согласно этому подходу, тезаурус имеет черты функциональной системы и обеспечивает в кооперации (взаимосоздействии)

с другими подсистемами жизнеспособность социального субъекта (от личности до человечества в целом), отражая иерархию его представлений о мире. Тезаурус не хаотичен, а системен; эта системность не логическая, а функциональная; системность тезауруса обладает смыслом, и этот смысл — в обеспечении жизнеспособности субъекта; жизнеспособность обеспечивается не только через деятельность тезауруса, у него своя ниша — ориентация субъекта, свои формы: «знание–понимание–умение»²⁷ и свои специфические «формы форм» — слово и образ.

И еще два вывода. Первое: в тезаурусном анализе субъект понимается не как отдельная персона, а как социальный субъект от человека (в выраженности личности как части социального общего) до всех промежуточных единств (от семьи, малой группы, больших групп вплоть до партий, классов, наций, межкультурных и межгосударственных объединений), составляющих (все более осознаваемое как социальная реальность) человечество. Поэтому для тезаурусного анализа не является препятствием противопоставление личности и общества. И второе. Тезаурус, обладая названными формами, сам в своем общем виде предстает как форма, содержанием которой выступает гуманитарное знание, в тезаурусе никогда не утрачивавшее своего единства, при этом включающее в себя наряду с ненаучными знаниями не только науки, традиционно называемые гуманитарными, но и социальные, поскольку на уровне тезауруса нет противопоставления человека и общества.

Итак, тезаурус — форма существования гуманитарного знания, но также и способ его существования: тезаурус *в слове и образе* воспроизводит *часть действительности, освоенную социальным субъектом*, ориентируя его в окружающем мире и являясь залогом его жизнеспособности и саморазвития.

Представляется, что эти уточнения представлений о гуманитарном знании имеют возможность практической реализации в программах высшего образования.

²⁷ Так называемая «триада Ильинского». См.: Ильинский И. М. К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 6.

**Культура информационного общества
как противостояние традиций и постмодерна,
критического и рационально-инструментального знания**
*Э. Ф. Макаревич*²⁸

Движущей силой развития информационного общества стали информация, знания, образы доступные для большинства людей. Надо признать вслед за Э. Гидденсом, что это общество определяет открытость к информации, теориям, смыслам, на основе которых принимаются решения, идут изменения, что это общество — «мир интенсифицированной рефлексивности — это мир умных людей»¹. Но вслед за Ю. Хабермасом также надо признать, что определяющей тенденцией развития общества является господство инструментального знания в ущерб критическому знанию² — привилегии, по выражению Э. Гидденса, «умных людей», слой которых весьма тонок. И массовые коммуникации, создавая эту тенденцию, служат тому, что общественные проблемы решаются на основе инструментально-рационального знания, что входит в противоречие с традиционными моральными ценностями.

Об информационном общественном начале говорить во второй половине XX века. Наиболее громче тогда звучали голоса Э. Тоффлера, Д. Белла, Э. Гидденса, Г. Шиллера, М. Кастельса, Р. Барта, Ж. Бодрийера, Ю. Хабермаса. Но это общество обрело достаточно ясные очертания, когда гуманитарная система массовых коммуникаций, включающая массовое образование, стала его ядром. А качество его определяется соотношением в нем инструментального и критического знаний. И это случилось в последние два десятилетия.

Принципиальный вопрос в отношении массовой коммуникации — ее «продукция» — образы, транслируемые ею. Они связаны с культурой информационного общества, показывают ее состояние, отношение к ней, процессы, происходящие в ней.

Сегодня культура информационного общества — это культура противоборствующих ценностей — традиционных и постмодернистских. Ценности постмодерна, очагами тлевшие с начала XX века, к концу его и в начале XXI века уже завоевали определенные позиции. Об этом свидетельствуют тенденции развития культуры в за-

²⁸ Макаревич Эдуард Федорович, доктор социологических наук, профессор (г. Москва).

падной цивилизации, которые отчетливо просматриваются под углом влияния на человека.

Понятие «культура» прошло в своем развитии путь от теории греческих софистов, римских стоиков до воззрений мыслителей XVII—XX вв. Все оказалось связано: понимание культуры как общего процесса интеллектуального, духовного и эстетического развития, как способа существования или образа жизни и понимание цивилизации как смысла исторического процесса и его достижений: совершенствования нравов, утверждения законности и социальной стабильности. Именно такое единение ценно для понимания культуры коммуникаций.

Этапы развития культуры отмечены И. Кантом, который с истинно немецкой пунктуальностью выделяет понятия «культура умения» и «культура воспитания» (именно они спустя столетия положили начало «культуре производства», «культуре бизнеса», «культуре войны» и другим частным культурам человеческой деятельности). Такой подход в критические моменты истории сыграл свою роль. В начале Великой Отечественной войны, когда решалась судьба СССР, драматург Ф. Корнейчук пишет пьесу «Фронт», в которой есть ключевая фраза, обращенная к неудачливому генералу: «У вас нет культуры ведения войны». Это к вопросу о культуре умений.

Г. Гегель в отличие от Канта утверждал, что «культура в своем абсолютном определении... есть освобождение и работа высшего освобождения, а именно абсолютный переходный этап на пути к больше уже не непосредственной, естественной, а духовной, также поднятой на высоту образа всеобщности, бесконечно субъективной субстанциональности нравственности»³. По Гегелю, человек, овладевший культурой, становится носителем всеобщности. Гегель делит культуру на высокую и низкую. Высокая культура — это культура той исторической эпохи, когда идеализм главенствует во всех сферах общественной жизни, а человек достигает нравственного совершенства, когда господствует гражданское общество.

Немецкий философ различает также культуру «теоретическую» и «практическую». Исходной точкой выделения «практической культуры» для него является трактовка труда как особого рода деятельности, в процессе которой не только создаются материальные и духовные ценности, удовлетворяющие потребности человека, но и преобра-

зуется сам действующий индивид. Обретение «теоретической» культуры, отражение явлений в логической форме Гегель связывает с процессом образования. В понимании культуры здесь он сближается с Кантом, с его «культурой воспитания», но одновременно расходится с ним, когда сводит культуру к нравственности.

Культура как очищение духа, как восхождение практической деятельности к высотам нравственности (культура критического знания) и культура «приземленная» — культура инструментального знания, культура умений, навыков, приемов, технологий — две ветви развития культуры, «гегелевская» и «кантовская». Где-то в истории они пересекаются, где-то «кантовская» «культура умения» побеждает. В случае такой «победы» линию общественного развития могут определять безнравственные люди, овладевшие высокими технологиями, ведомые либо безумными идеологическими доктринами, либо законами бесчеловечного рынка. Тогда совершенно не кощунственно звучат определения типа «культура насилия», «культура инквизиции», «культура «гламура» и прочее.

В России в конце XIX в. развивается свое понимание культуры, пожалуй, лучше всего выраженное филологом В. И. Далем: культура — «обработка и уход, возделывание», образование умственное и нравственное. А современный российский культуролог А. Шендрик утверждает, что «русская философская и общественно-политическая мысль изначально разделяла то понимание культуры, которое своими корнями уходило в рассуждения не столько греческих софистов, сколько Цицерона и римских стоиков, которые видели в культуре результат «воспитания души», «обработки» индивида средствами образования с целью формирования у него определенного набора социальных качеств».

И как здесь не вспомнить слова К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии» об «обработке людей людьми»⁴. И чем совершеннее эта «обработка», тем выше культура влияния на массы и отдельного человека. Маркс и Энгельс говорили о двух сторонах преобразовательной деятельности, одна из которых — «обработка природы людьми», другая — «обработка людей людьми», под которой подразумевается воспитание и образование человека, т. е. социализация его.

Но с развитием форм массовых коммуникаций, ориентированных на человека, можно говорить об «обработке людей людьми»,

занятыми в индустрии пропаганды, рекламы, массовой культуры — индустрии производства определенных ценностей и мифов, имеющих целью влиять на человека, формировать его мировоззрение, настроение. Американский социолог Б. Эренрейх характеризует средний класс, куда входят учителя, журналисты, профессора, инженеры, врачи, государственные чиновники, как «фабрику идеологии и ценностей США»⁵. Эта «фабрика» и обеспечивает «обработку людей людьми».

В конечном счете это и есть культура влияния на человека, объединяющая культуру материальную, создающую технические средства, и культуру духовную, создающую духовные ценности и мифы. Но именно технические средства дают возможность донести эти ценности и мифы до широких масс. Причем технические возможности определяют во многом и суть создаваемых духовных ценностей и мифов. Совершенствование технических средств неразрывно связано с духовным производством и духовным потреблением, распространением духовных ценностей, а по сути — с передачей информации.

Западное общество прошло в своем становлении аграрный, индустриальный и постиндустриальный этапы и сейчас «осваивает» постмодернистский этап. Все это было предвосхищено в определенной мере Д. Беллом, Э. Тоффлером, Ж. Бодрийяром, М. Маклюэном. Но начиная с индустриального все последующие общества, видоизменяясь от этапа к этапу, становятся массовыми. В массовом обществе производство и потребление выходят на первый план. Крупное индустриальное производство с его специализацией, стандартизацией, консолидацией и децентрализацией определило новые условия жизни — активную урбанизацию (что нарушает патриархальные связи), безудержный рост городов, необходимость массовой грамотности населения, развитие образования и СМИ (издание огромными тиражами газет и журналов, широкое распространение радио, телевидения, аудио- и видеозаписей). Эти жизненные условия возвели в культ потребительские ценности. Эти же условия ставили человека в жесткую зависимость от труда, связанного с конвейерным производством, узкой специализацией, жесткой просчитанностью меры труда и меры потребления. Постоянное психологическое напряжение, периодически возникающая депрессия становились особенностями жизни и работы многих людей. Этими чертами отличалось массовое

общество эпохи индустриального развития. Особенностью существования постиндустриального массового общества становится пренебрежение жизненным опытом, гипертрофированное стремление к получению удовольствий, стирание граней между мерами труда и потребления, возведение в высшую степень игры воображения и как следствие — уход от реальности.

Как культура соотносится с определенным типом общества? Не претендуя на раскрытие во всей полноте этого вопроса, отмечу, что в 70-е годы XX века в развитии западной цивилизации настал этап, когда не столько критическое знание определяло развитие общества, экономики, культуры, сколько развитие инструментального знания и основанных на нем технологий. Эту особенность отметил Ю. Хабермас, который утверждал, что западные демократические общества подошли к тому состоянию, когда рост инструментального разума достиг критической отметки, переход которой приведет к созданию общества «антиутопии», в котором все меньше критического знания, общественные места не становятся ареной обсуждения и свободного выбора, а общественные проблемы, подобно техническим, решаются экспертами, использующими инструментально-рациональное знание⁶.

Почему бы этот период не считать временем рождения информационного общества с его новой культурой? Соотношение критического и инструментального знания может стать критерием идентификации общества. Если превалирует инструментальное знание, общество относится к информационному и массовому.

Современное развивающееся общество, становясь обществом информационным, «перешагивает» индустриальные и постиндустриальные границы (по Э. Тоффлеру). Этот процесс сопровождается созданием новых принципов управления, новой жизненной среды, нового образа жизни в условиях противостояния традиционных и постмодернистских ценностей. Информационное общество, где основа — массовые коммуникации, отличается информированностью населения, участие граждан в информационных процессах на основе информационных технологий, включающих мобильную связь и интернет.

Но сегодня об информационном обществе можно говорить, как о новом качестве массового общества. Это новое качество порождено, как «технологической» культурой управления образами,

«виртуальной реальностью», которые создаются современными информационными и PR-технологиями на основе инструментального знания, так и культурой ценностей, отличающейся от культур других типов обществ, если следовать логике Ж. Бодрийяра. Именно характер ценностей определяет законы развития общества и особенности его культуры, — считает он ⁷.

В постиндустриальном массовом обществе стираются границы между ценностями бытовыми, повседневными, ценностями рыночными как средством обмена и ценностями-символами. Так видел эту ситуацию Ж. Бодрийяр.

Когда начинается хаос в иерархии ценностей, когда теряются критерии добра и зла, правды и лжи, что «можно» и что «нельзя», а в искусстве происходит смешение «жанров», когда «ценностный хаос» оказывается помноженным на инструментальные знания, служащие его продвижению, — это означает, что общество шагнуло в мир постмодернизма.

В этом мире все относительно, философия его — релятивизм, цели развития — туманны, будущее — абстрактно, этические критерии оценки любого действия, поступка, заявления, произведения — исчезают. Постмодерн — это общество, где, говоря словами английского писателя Г. Честертона, разрешены все мнения, кроме истинного. Единственный критерий — деньги, которые становятся мерилем всего. Это общество страха каждого перед всеми и всех перед каждым. А страх стимулирует хаос. Теперь выбор ценностей диктуется произволом, стечением обстоятельств, волей случая, часто диктатом более сильного и агрессивного. Духовное богатство прошлого, наработанное поколениями, теряет смысл, история стран и народов с ее трагическим опытом забывается, образно говоря, превращается в хлам. Молодежь, издеваясь, осмеивает то, что было священо для прошлых поколений. Но при этом из старого «хлама» возводятся новые «конструкции», новые образы, кардинально меняющие облик и ценности прошлого. Немногие образы прошлых лет устояли, и то благодаря тому, что еще держатся те святыни, что связаны с национальным чувством.

Какие же ценности изменяются в своей сути? Прежде общечеловеческие, нравственные. Растворение добра во зле, справедливости в несправедливости, общественного в собственническом индивидуализме, переходящим в агрессивный эгоизм. В рыночной сфе-

ре — это крепнущая тенденция, идущая от производства простого и сложного продукта к производству денег, это аморальность рынка, на котором игроки в погоне за максимальной прибылью готовы к забвению морали, и это согласуется с неолиберальным мышлением. В постигшем мир финансовом кризисе 2008-го и последующих годов значительная роль принадлежит безответственному поведению банков, «которое следует считать безответственным, поскольку оно предполагало отказ от важных практик проверки и учета; однако миллионы людей получали выгоду, покупая реальные товары и услуги за нереальные деньги, «произведенные» банками». Такой вывод делает профессор экономической социологии Уорикского университета Колин Крауч в своей книге «Странная не-смерть неолиберализма»⁸. Он подчеркивает, «что практически все общества сначала стали соучастниками этих безответственных практик»⁹. Следуя его логике, можно сказать, что неолиберализм завел нас в ценностную ловушку. Сущность этой ловушки легко понять, присмотревшись к нынешней ситуации с государством всеобщего благосостояния. Правительствам приходится значительно сокращать затраты на социальные услуги, на программы в области здравоохранения и образования, на пенсионное обеспечение и социальные выплаты неимущим и безработным. Правительства вынуждены идти на такие меры с целью успокоить финансовые рынки, встревоженные объемом государственного долга, хотя дельцы на этих рынках — это те самые люди, которые нажились на спасении банков и уже начали выплачивать самим себе огромные бонусы — «заработанные» благодаря тому, что их операции были застрахованы от риска государственных расходов, которые как раз и привели к государственному долгу»¹⁰.

В России ценности постмодерна произросли в период реформ Б. Ельцина, послуживших появлению предпринимателей, одержимых безудержным, хищническим обогащением, лишенных сострадания, сопереживания с народом, солидарности с ним. «Дикий» российский капитализм, порожденный ими, вел себя в мировом финансовом кризисе также безответственно, как и «западный» капитализм, о котором пишет К. Крауч. Капитализм лишенный морали, способствует хаосу в умах, и в конечном счете, в обществе. Лишенный морали российский капитализм, как порождение постмодерна в России, постоянно напоминает о проблеме легитимности российского

бизнеса, о легитимности бизнес-элиты, элиты политической, защищающейся громкими «моральными» заявлениями. Постмодерн, обрушивший мораль в обществе, обрушил и его единство, его солидарность, раздробив его на множество групп и группочек со своими ценностями, чаще всего индивидуального толка, находящимися в противостоянии друг с другом. И даже единственный объединяющий страну праздник — День Победы над германским фашизмом подвергся постмодернистской эрозии. Отношение к нему не отличается единством — одни отдают дань этой победе, другие думают, что немецкие нацисты дали бы русским людям богатую жизнь, третьи считают, что победа принадлежит США и Англии, а четвертые стремятся доказать, что и победы не было.

Постмодерн как идеология и практика, нарушил баланс между ответственностью и безответственностью, а по сути между мерами добра и зла, баланс между традиционной моралью и правом. И это нарушение ведет к хаосу и в общественных отношениях. В этом хаосе нашлось место и разрушению традиционной семьи под флагом новых ценностей. В Европе все заметнее тенденция легализации однополых браков с правом усыновления и удочерения. При этом в документах, регулирующих этот процесс, настойчиво подчеркивается, что необходимо избавиться от упоминания пола. Мужчины и женщины в интерпретации этих документов становятся вымышленными бесполоми существами — родитель А, родитель Б. Легализация браков между представителями сексуальных меньшинств, как новая «семейная» ценность, стимулирует запреты на существующие гендерные стереотипы, согласно которым мать — это хранительница домашнего очага, отец — кормилец семьи. В некоторых европейских столицах системы образования и воспитания основаны на том, чтобы мальчики и девочки в возрасте до шести лет не ассоциировали себя с определенным полом. Детские сказки создают образы принцев, влюбляющихся в принцев; образы принцесс — любящих принцесс, образы королей, общающихся в нетрадиционной манере со своим окружением и детьми. Среди первых оппонентов подобной постмодернистской практики и законов, регламентирующих однополые браки, — почти все религиозные конфессии. Они первые борцы за традиционные ценности.

В своем крайнем выражении постмодерн делает зло абсолютным. Дьявол в людях побеждает, человек человеку все больше —

волк, человек — природе тоже волк. И природа отвечает мщением, и человек в человеке видит врага. В свое время об опасности войны всех против всех говорил английский философ Томас Гоббс. А ведь постмодерн действительно заражен бациллой войны всех против всех — идеологией апокалипсиса.

Идеологию, как совокупность взглядов, концептов, идей, в постмодерне заменяют символы, слова-стимулы. Символы выражают смысл в абсолюте. Если свобода — то «чистая», без ответственности; если демократия — то без границ. Символ выражает смысл и притягивает чувства. Суть управления символами, т. е. коммуникациями, есть «паблик рилейшнз». У. Липпман выразился вполне определенно: символы собирают эмоции, до этого отъединенные от своих идей, т. е. в какой-то период символы нужно отделить от смысла, от проблем их породивших, дающих им развитие.

Но когда смыслы низвергнуты, на пьедестал возносятся чувства. Исчезнувшие смыслы открывают дорогу «карнавалу» увеселений и бессмысленных обещаний. И этим процессом «веселого хаоса» управляют «паблик рилейшнз» постмодернистского периода.

Представим себе, вот рабочие, вот работник — это понятные образы, они же символы. И смыслы у них определенные. Рабочие, работник — это борьба за права, за рабочие места, против инфляции, уменьшения зарплат, безработицы и нищеты. А эмоции, которые эти люди порождают при «отброшенных» смыслах, — потребление, развлечения, страх. В нарастающем хаосе эмоций возникает новая культура коммуникаций, предельно дезориентирующая человека.

Но когда управление символами находит свое проявление в беспрецедентном росте влияния массовых коммуникаций (что является особенностью постмодернистского этапа), символ превращается в код. На этом настаивал Ж. Бодрийяр. Если символ выражает объект, явление, событие, то код полностью замещает их. И теперь объект, явление или событие превращается в «гиперреальность», в модель, в образ (по Бодрийяру — в симулякры). Добавлю, — в мифоимидж.

Стирается грань между естественным и искусственным. Управляемый хаос сменяющихся образов «захватывает» личность, лишая ее опорных нравственных констант, будь то убеждения, традиции, память, не оставляя ничего святого ни в политике, ни в этических ценностях, ни в культуре, ни в искусстве.

Постмодернизм определяется принципом «движение — все, цель — ничто» или «хаос — все, цель — ничто». При этом постмодерн как идеология и эстетика развития ориентируется все больше на рационально-инструментальное знание, а массовые коммуникации все чаще обращаются к бессознательному, к инстинктам, к эмоциям. В этом — новая культура коммуникаций: отречение от святынь, потеря ориентиров в калейдоскопе образов, чтобы манипулирование людьми достигло высших пределов, когда человек не замечает, как его поведение, жизнь меняются вопреки его воле, надеждам, интересам. И это — новый этап развития массового общества — глобальный, этап «виртуальной реальности», когда реальность тонет в виртуальных образах и в такой интерпретации становится частью жизненного уклада человека.

И когда Ф. Энгельс писал, что для «диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого»¹¹, он имел в виду то, что именно диалектика, как метод познания, позволяет подвергать анализу, исследованию все в этом мире, в том числе любые святыни. Но отречение от святынь, как свойство постмодерна, подразумевает совсем другое, а именно — изменение под влиянием виртуальных образов этических установок индивидов, определяющих их поведение. Изменение, связанное с отречением от традиционных ценностей, прежде всего нравственных.

Впрочем, человеку оставлено право на основе этих виртуальных образов объединяться с другими людьми, минуя государственные границы, на платформе новых ценностей. Индивидуальности, самобытности трудно противостоять постмодернистскому, глобальному потоку «виртуальной реальности».

Термин «виртуальная реальность» введен М. Кастельсом. В своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» он говорит о культуре как «виртуальной реальности», которая усиливается новыми информационными технологиями на основе инструментального знания, и становится фундаментальной особенностью информационного общества, в котором не прекращается борьба между ценностями традиционными и постмодернистскими.

По сути это борьба за человека обремененного высокой культурой, «непростого человека» по выражению Б. Шоу и Г. Уэллса. Сегодня культурологическая мысль выдвигает на первый план «сложного человека», то есть впитавшего знания и ценности гума-

нитарного начала в противовес «человеку упрощенному». Культурологи, отстаивающие идею Б. Шоу и Г. Уэллса о «непростом человеке» (прежде всего Д. Дондурей и А. Архангельский) делают акцент на том, что именно гуманитарное образование позволяет «прожить индивидуальную жизнь», ибо оно инструмент самонастройки, а потому определяет «индивидуалистический путь, индивидуальную стратегию» развития¹².

Это путь в когорту «умных людей» по Э. Гидденсу, слой которых, напомним, весьма тонок. Но по крайней мере понятно, что этот путь основан на овладении в достаточной степени критическим знанием. Но в массовом информационном обществе большая часть людей выбирает рационально-инструментальное знание. И их понуждают к этому знанию. Понуждают единым государственным экзаменом (ЕГЭ). Потому что система образования в основе которой ЕГЭ, по мнению Э. Тоффлера, отвечает потребностям и матрице массового производства, масс-медиа, массовой культуры, массового спорта, массовых развлечений и массовой политики. Особенности этой системы — линейность, конформизм и стандартизация. А что такое ЕГЭ, как не то же самое? Э. Тоффлер утверждает, что эта система образования низводит процесс обучения до механического инструктирования по учебнику и стандартизованного тестирования, лишая творческого развития как учителя, так и ученика. В таком случае школа не готовит, не воспитывает «сложного» человека, так нужного для современного мира.

Причем, в полемике о «сложном человеке» отвергается опыт советской массовой школы, в которой образование было по сути гуманитарным — больше половины часов в неделю в старших классах отводилось языкам, литературе и истории, а в 40-50-е годы прошлого века еще и логике, и психологии.

Признаем, что ЕГЭ — инструмент для выращивания «массового», «среднего» человека для массового инструментального общества. Этому служит тенденция замены классического, фундаментального образования на прикладное, критического знания на инструментально-рациональное. Прикладная система образования не воспитывает у молодых людей потребности к осмыслению того, что они познают. Она не учит сопоставлять факты и явления, делать умозаключения. В лучшем случае такая система приучает к рациональному, но никак не творческому использованию имеющихся знаний.

ЕГЭ — инструмент «технологической» культуры. Но сегодня он далек от культуры «воспитания души», культуры, прокладывающей путь к высотам нравственности. Но равновесие этих двух культур в современном обществе разве не залог устойчивого общественного прогресса?

Литература, источники

1. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity, 1994. P.7.
2. См.: Западная социология. СПб.: 1997. С. 327; Habermas J. *Legitimation Crisis*. Boston: Beacon Press, 1975.
3. Гегель Г. Собр. соч.: в 14 т. М.- Л.: 1928–1958. Т.7. С. 219.
4. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. 1955-1981. Т.3. С. 35, примечание.
5. См.: Ehrenreich B. *Angst vor dem Absturz*. Munchen: 1992.
6. См.: Западная социология. С. 327; Habermas J. *Legitimation Crisis*. Boston: 1975.
7. Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. М.: 2000. С. 10.
8. Крауч К. *Странная не-смерть неолиберализма*. Пер. с англ. М.: 2012. С.178.
9. Там же. С. 179.
10. Крауч К. *Странная не-смерть неолиберализма*. С.179-180.
11. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. 1955-1981. Т.21. С. 276.
12. Архангельский А. *Пушкин для неверующих*. — Российская газета. 26.09.2012.

Культура как инструмент понимания истории

*И. М. Меликов*²⁹

Культура — это центральная категория общественной жизни. Через нее раскрывается смысл общественной жизни в целом и смыслы отдельных ее сторон. Это делает культуру основой понимания истории, поскольку, как говорил Х. Ортега-и-Гассет, «уже на своем привычном, простейшем уровне история есть герменевтика, то есть интерпретация, что означает включение каждого отдельного факта, события в органическую структуру жизни, жизненной системы» (Ортега-и-Гассет, 1997: 88). В культуре находится ключ к разгадке

²⁹ Меликов Ибрагим Мустафаевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, религиоведения и теологии Российского государственного социального университета. Тел.: +7 (916) 845-80-71. Эл. адрес: imelikov@rambler.ru

всех загадок истории. Только понимая культуру, можно осмыслить исторический процесс. Культура лежит в основе понимания и общества, и истории общества. Как инструмент герменевтической рефлексии культура открывает «условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей» (Гадамер, 1988: 616).

В рамках марксизма была выдвинута идея материалистического понимания истории, которую Ф. Энгельс вместе с теорией прибавочной стоимости назвал двумя величайшими открытиями Маркса. Материалистическое понимание истории противопоставлялось идеалистическому пониманию истории. В результате получалось, что есть два противоположных понимания истории, которые отрицают друг друга. Однако не может быть верного и ложного понимания вообще. Есть понимание, и есть непонимание. Неверного понимания нет. Поэтому, не вникая еще в суть этих подходов, нужно сказать, что речь идет не о двух видах понимания, а о двух трактовках, о двух толкованиях истории.

Материалистическое толкование всю историю, весь исторический процесс, все явления общественной жизни выводит из материальной стороны общественной жизни, в качестве которой выступает экономика. Экономика определяет все в обществе. Все социальные явления истолковываются на основе экономической жизни и все выводится из нее. Все, включая даже искусство, литературу, музыку, особенности национальной психологии, умонастроения, взгляды, представления о мире и т. д., т. е. то, что слишком далеко отстоит от экономической сферы и от так называемого способа производства — категории, которая согласно марксизму является основной в экономической области. Конечно, при желании можно все вывести из чего угодно и историю, и построить какую угодно произвольную логику. И выводить все и сводить все к экономике в марксистской теории удастся. Но остается открытым один, но весьма важный вопрос — вопрос о том, откуда берется сама экономика и что определяет развитие экономики. Экономика определяет все, но что же определяет саму экономику? Оставляя этот вопрос без ответа, марксизм негласно признает, что экономика — это некий бог, от которого зависит все, но сам он ни от чего не зависит. И Бердяев совершенно точно заметил, что марксизм отверг реального Бога, но на его место поставил своего бога, и в качестве этого бога в марксизме выступила категория производительных сил. Существуют ли в человеческом об-

ществе реальная зависимость тех или иных явлений от экономики, которую выделяет марксизм? Безусловно. И мало, кто будет это отрицать. Но можно ли понять общественные явления и исторический процесс, рассматривая лишь эту связь? Безусловно, нет. Ибо эта связь между экономикой и явлениями социальной жизни не является главной и определяющей в человеческом мире. Как отдельный индивид, так и человеческое общество далеко не всегда руководствуются материальными соображениями. История как раз сама наиболее ярко свидетельствует, что люди готовы жертвовать своим материальным положением во имя высоких идей. Например, во имя чувства патриотизма в годы войны. Кстати, зависимость общественной жизни от экономического фактора опровергает сама практика начального этапа строительства социализма, где самым определяющим был не материальный фактор, а энтузиазм. Можно ли на основе экономического фактора понять победу советского народа в Великой Отечественной войне? Объясняет ли экономический материализм особенности религиозного обряда? Или как объяснить адекватно на основе экономики внутренние течения в искусстве, музыке, литературе? Материальный, экономический фактор не может все детерминировать в общественной жизни, ибо он не является универсальным и емким. Установление зависимости от него чаще всего огрубляет и упрощает толкование общества и истории. Зависимость от материальной жизни не может быть признана основой понимания истории, ибо эта связь не сущностная, не существенная, не отражает сущности, сути дела. И более того, когда во главу угла ставится экономика, то мало что в обществе можно действительно понять, ибо сама экономика тоже зависит от чего-то другого.

Марксизм противопоставляет себя идеалистическому толкованию истории, самым значительным представителем которого называют Гегеля. Действительно, Гегель трактует историю с идеалистической позиции, т. е. на основе идеи. В его философской системе все, и природный и социальный мир, детерминируются одной верховной идеей, которую он называет абсолютной. Абсолютная идея управляет историческим процессом, потому понять его можно лишь, поняв ее саму. Но идеализм Гегеля носит рационалистический и потому отвлеченный характер. И потому же его идеалистическое толкование не может быть названо классическим. Классическим же представителем идеалистического толкования истории, как пред-

ставляется, выступает другой немецкий мыслитель М. Вебер. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» (Вебер, 1990) М. Вебер, можно сказать, преподнес вопреки абстрактному образец конкретного идеалистического объяснения истории, исследовав в ней только один факт — возникновение капитализма. Истоки капитализма, согласно М. Веберу, лежат не в развитии производительных сил, как считают материалисты, а в протестантской религии, в тех идеях, которые образуют основу протестантизма и отличают его от католицизма. Как известно, одна из отличительных идей протестантизма, это идея о свидетельстве спасения человеческой души. Не все души предназначены к спасению, а только избранные. Званных много, но избранных мало. Свидетельством же посмертного спасения души, по доктрине протестантизма, выступает материальное богатство при жизни. Если человек богат при жизни, то, следовательно, после смерти его душа будет спасена. Это основная идея наряду с другими дала толчок развитию капиталистическому предпринимательству и капиталистическим отношениям. Протестантизм утвердил новое отношение к материальному богатству. Теперь оно выступает не как самоценность, а свидетельство будущего спасения. Кроме того, втягиванию в капиталистические отношения служат и другие идеи. Так, сама работа рассматривается как реализация идей религиозной аскезы. Обычная работа и та приобретает религиозный смысл. Она не только средство обогащения, но определенная аскеза. Безусловно, идеалистическое объяснение феноменов общественной жизни, представленное в данном случае М. Вебером, гораздо ближе к истине, чем материалистический подход. Однако можно ли категорично утверждать, что именно протестантизм предопределил возникновение капитализма. Несомненно, лишь то, что протестантские идеи, господствующие в сознании людей эпохи раннего капитализма, оказали определенное и даже значительное влияние. Но чтобы утверждать, что протестантизм породил капитализм, необходимо установить, что протестантские идеи не только реализовались и воплотились в практике капитализма, но и то, что именно они стали главными и определяющими идеями капиталистического общества. Но этого идеалистический подход не может установить, ибо он рассматривает только одну связь, связь между идеей, существующей в общественном сознании, и возможным соответствующим ей бытием. Говоря иначе, идеализм прослеживает реализацию просто идеи,

но не рассматривает место той или иной идеи в общей иерархии воплощенных идей. В силу этого в идеалистическом истолковании общественно-исторических процессов значительное внимание может уделяться несущественным идеям, а сами существенные идеи могут вообще предаваться забвению и тем самым игнорироваться. Между тем, как понимание истории, безусловно, связано не просто с идеями, господствующими в сознании людей, а идеями, во-первых, воплощенными, во-вторых, среди воплощенных — существенными, т. е. с идеями, исходящими из сущности общественно-исторических феноменов. Идеалистический подход, также как и материалистический, характеризуется односторонностью. Идеализм абсолютизирует идею, материализм — материальную жизнь. В результате оба обходят существо дела.

Существо же дела позволяет схватывать подход, исходящий не из материальной жизни, не из идеи, а из культуры. Нельзя понять историю, если абсолютизировать либо материально-экономический фактор, либо идею. Существо социума воплощается в культуре и потому понять его сущность и его историю можно, лишь понимая культуру. Культура органично включает в себя и материально-экономическую сторону социальной жизни и мир идей общественного сознания. Роль культуры невозможно преувеличить в общественной жизни, ибо она сама абсолютна. И для понимания экономики и для понимания общественных идей необходимо исходить из культуры. Не экономика определяет культуру, а культура экономику. Чтобы понять развитие экономики, нужно понять культуру, а не наоборот. Экономика — это вид деятельности человека, а культура — сам человек. Значимы в обществе не просто идеи, а только те, которые вплетены в культуру и нашли в ней воплощение. Сама культура есть иерархия воплощенных идей. Идеи находят свое завершение в культуре и только потом играют свою роль в общественной жизни. Именно это прежде всего отличает тот подход к истории, который исходит из культуры. Если идеалистический подход во главу угла ставит просто те или иные идеи, то культурологический подход определяет иерархию идей и выделяет среди них существенные. Культурологический подход также как и идеалистический исходит из идей, но в отличие от идеалистического исходит от идей только существенных. Он также предполагает рассматривать и экономику,

и политику, и искусство и все другие стороны общественной жизни с позиции идей, но существенных.

Любое понимание может, а потому и должно быть основано на идеях. Ибо понять что-либо можно лишь на основе идей. И понимание чего-либо есть понимание его идеи. «Философская идея культуры заключает в себе то, что служит для нас нормой и образцом» (Межуев, 2006: 21), — отмечает В.М. Межуев. Но не всякий идеалистический подход гарантирует понимание. Понимание требует существенной идеи, т. е. идеи, выражающей сущность. И культурологический подход, ставящий во главу угла именно этот принцип, обеспечивает подлинное понимание общественной жизни и общественной истории. Весь смысл культурологического подхода сводится лишь к тому, чтобы выявить прежде всего главную и определяющую идею в социальной жизни. В качестве таковой выступает идея, ставшая ценностью. «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак не друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» (Сорокин, 2000: 46-47). Но ценностью идеи становятся при условии, что реализуются в жизни общества.

Материалистический подход в силу господства в нем одной идеи материальной обусловленности далеко не всегда способен выявить истину. Кстати говоря, неприемлемость материалистического подхода еще не говорит о том, что для понимания того или иного социального феномена выявление его зависимости от материальной стороны не может быть основой его понимания. Все зависит от конкретной ситуации. В одном случае суть феномена определяется материальным фактором, а в другом, иными причинами. Недостаток материалистического подхода лишь в том, что он настаивает всегда на одном, всегда и во всем видит только одну причину — материальную. Идеалистический подход не углубляется до того, чтобы выявить сущностную идею. До нее возвышается культурологический подход и в силу этого он обеспечивает понимание. Понимание, как отмечал В.Дильтей «позволяет современному человеку обладать в себе, как настоящим, всем прошлым человечества: возвышаясь над любыми ограничениями современной культуры, он смотрит на про-

шлые культуры, вбирая в себя их силу и наслаждаясь их чарами...» (Дильтей, 2001: 239).

В одном из своих выступлений академик С. С. Аверинцев привел случай из исторической науки, наиболее ярко подтверждающий необходимость при исследовании истории опираться именно на культуру. В исторической науке, хотя был известен факт гибели племен викингов от материального разорения, при раскопках в местах их поселения было обнаружено большое количество золота. Кажалось бы, это — факт, противоречащий прежним данным, и необходимо пересматривать прежние представления. Если исходить из материалистического подхода, то так и следовало поступить. Однако в результате более углубленного исследования было выявлено, что никакого противоречия здесь нет. Оказалось, что обнаруженное золото имело ритуальный характер, и как религиозная ценность было неприкосновенным. И, несмотря на его наличие, викинги не смогли им воспользоваться и погибли. Как мы видим, именно исследование культуры и ее особенностей позволило установить истину.

Культура отражает сущность общественной жизни целостно и системно. Поэтому только культурологический подход позволяет подниматься до тех смыслообразующих идей, которые определяют бытие социума и историческое время в целом. Культурологический подход — это подход к истории, который обеспечивает цельность и системность самого подхода. Это — многосторонний подход, при котором отдельные стороны социального организма выстраиваются в систему. Он раскрывает ключевые моменты социального бытия, в результате чего позволяет устанавливать объемное видение социального бытия. Другие подходы обеспечивают лишь плоскостное рассмотрение общества, культурологический же подход позволяет видеть общественную жизнь в масштабах объема.

Итак, понять общество и его историю можно лишь на основе культуры. Однако это только первое необходимое условие понимания общества и истории. Оно лишь подчеркивает, что для понимания общества и истории нужно брать за основу культуру, а не другие феномены. Но за этим следует вопрос, связанный с пониманием самой культуры. Ведь, как писал М.Хайдеггер, «понимание есть экзистенциальное бытие можествования, присущего самому здесь-бытию, а именно так, что это бытие в нем раскрывает, «как обстоит дело» с бытием вместе с ним» (Хайдеггер, 1993: 5). Поэтому второе

необходимое условие и вторая необходимая сторона понимания общества и истории — это понимание культуры. Необходимо понять культуру, чтобы понять общественную жизнь и историю. Если основой понимания общества и истории выступает культура, то основу понимания нужно еще выявить. Такой основой должна выступать сущность культуры, как и вообще высшей основой понимания любого явления выступает его собственная сущность. Сущность же культуры духовна. Сущность культуры — это духовность и нравственность. Потому и понять культуру можно лишь на основе духовности. Средством понимания общества и истории является культура, а средством понимания культуры — духовность. И понять ту или иную культуру означает выявить, насколько она соответствует своей духовной сущности и своему духовному предназначению.

Все загадки истории, все ее скрытые механизмы, все то, что скрывается за ее фактами, имеет свои корни в духовных и нравственных вопросах. Почему одна культура погибает, а другая расцветает. Почему погибла, скажем, древнеегипетская цивилизация? Почему погибла Атлантида? Почему некогда огромные империи превратились в настоящее время в государства, территории которых не превышают их исконные земли? Почему, несмотря на многочисленные попытки захвата, Россия сохранила свою независимость? Почему пала Римская империя? Почему как бы ни пытался увековечить себя император Нерон в истории это ему не удалось? (с этой целью он переименовал Рим в Неронополь, ввел месяц — неронит, придумал игры — неронимы, сочинял песни, писал стихи и т. д.) Почему варвары завоевали Рим, но переняли у римлян христианскую веру? Почему турки завоевали арабские владения, но принимали их веру — ислам? Почему колыбель православия, Византия оказалась завоеванной турками? Простого знания культуры и фактов из истории явно не достаточно, чтобы ответить на эти вопросы. Ответы на эти вопросы носят прежде всего духовный характер. Не военная сила, не экономическое могущество играют определяющую роль в историческом процессе, а именно духовный и нравственный характер. Военная сила и экономическое могущество представляют собой вторичный фактор истории, они еще не первоисточник. Чтобы они имели место и развивались необходим прежде всего первоисточник духовный. Он составляет их основу. Без него они не удержатся на фоне истории.

И нужно учитывать, что духовная мощь, сопровождающая изначально ту или иную культуру, таит в себе возможность злоупотребления, реализация которой рано или поздно оборачивается против самой этой культуры. Но сохранение в своих недрах духовной основы, следование нравственным императивам, хранит культуру и защищает ее изнутри, какими мощными ни были попытки разрушить ее извне. Ибо следование нравственно-духовным принципам есть следование трансцендентным основам истории, следование абсолютному началу всего мироздания. Таким образом, понимание истории и понимание культуры сводится к пониманию трансцендентных основ истории. Понять историю и понять культуру означает понять абсолютное начало истории и культуры. Абсолютное духовное начало — это критерий, высший эталон и общества, и культуры, и истории. Абсолютная нравственность — это указание на то, каким должна быть культура. Зная, какой должна быть культура, и сопоставляя с тем, какой она является или какой была, можно действительно понять ее. Всякое понимание основывается на понимании должного. Должное же относительно культуры и истории — это соответствие духовно-нравственным принципам. Поэтому именно они в конечном счете — основа понимания общества, культуры и истории. Причины всех социальных феноменов таятся именно в нравственности. Вне нравственных принципов знание отдельных деталей и фактов будет оставаться всегда знанием эмпирическим, но никогда не возвысится до их смыслообразующей идеи, до уровня их осознания и понимания. Скажем, вне учета духовных факторов совершенно невозможно понять ни русскую культуру, ни русскую историю. Иначе ни особенности культуры, ни русский национальный характер, ни причины экономического отставания от Запада, ни низкий уровень политической жизни не станут достоянием человеческого разума. Всевозможные факторы экономической жизни, особенности политической деятельности играют мизерную роль в историческом процессе по сравнению с духовными принципами. Все движущие силы истории и социума должны сопоставляться с духовными основами, чтобы было достигнуто понимание. Иначе регресс в социальном развитии может быть воспринят за прогресс, а позитивные явления — восприняты как отрицательные. Скажем, бурный экономический рост западных стран, Японии, застойные явления в экономике советской России с точки зрения обычного человеческого разу-

меня являются соответственно положительными и отрицательными показателями. Также положительно и отрицательно соответственно оцениваются согласно сложившемуся мнению демократический политический строй, так называемые свободные общества и государства, лишенные демократических принципов в своем функционировании. Однако с позиции духовной стороны дело обстоит не так однозначно. Вплоть до того, что нередко положительное и отрицательное меняются местами. И осознание этого — ключ к пониманию культуры и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вебер, М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. — М.

Гадамер, Х.Г. (1988) Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.

Дильтей, В. (2001) Собр. Соч., М., т.4

Межуев, В.М. (2006) Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.

Ортега-и-Гассет, Х. (1997) Избранные труды. М.

Сорокин, П.А. (2000) Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. С.-Пб.

Хайдеггер, М. (1993) Работы и размышления разных лет. М.

О связи между «образом права» и «образом современного человека» в российском обществе

Я. В. Сандул³⁰

Современные перемены в политико-правовой сфере на российском пространстве это исторически неповторимые, уникальные события, как и для многих обществ переживающих модернизационные процессы такого масштаба. При всех существующих кардинальных быстрых изменениях, которые претерпевают системы права, политического и государственного управления, подобной скорости изменений нельзя ожидать на сознательном, ментальном уровне. Подтверждением данного обстоятельства является общий фон кризиса, существующий на уровне общественного правосознания и правоприменения в российской современности. Пренебрежение закона;

³⁰ Сандул Яна Вячеславовна, кандидат философских наук. Преподаватель филиала МАЭП г. Тирасполь. Тел.(+0373)(777)08314, Эл. адрес: sanduca@yandex.ru

разгул правового нигилизма; номинализм права; всепоглощающая коррупция правоохранительной системы и власти;³¹ законотворчество и правотворчество все более дистанцирующиеся друг от друга; устойчивая тенденция тяготения к легизму, выражающаяся в отождествлении права и закона — это, пожалуй, неполный перечень отрицательных политико-правовых явлений. В условиях стагнации правоприменительной сферы и кризиса правового сознания возникает устойчивая необходимость обратить внимание на антропологические предпосылки сложившихся правовых проблем. Применение философско-правового подхода на существующую закономерную зависимость между «образом права» и «образом человека» в данной статье, является своеобразной попыткой объяснить невозможность реализации конституционных прав и свобод человека сегодня. «Тот или иной «образ права» (правопонимание), а также определяемая им правовая система ориентируются на определенный «образ человека» (концепцию природы человека) и от него ведут свой отсчет как от исходной точки».³²

В рамках вышеизложенного хотелось бы представить два диаметрально противоположных учения о человеке: в философии Т. Гоббса и И. Канта на предмет соответствия современному образу права, заложенному в конституции. Т. Гоббс, как автор разумного эгоизма, считал, что каждый человек в своем естественном состоянии способен причинить вред другому такому же индивиду. «Даже те, кто способен на самое большее — убить другого, могут лишь то, что равно могут и другие»³³. Руководством в таком выборе поведения, являются исключительно собственные интересы, подчиненные эгоизму. Суть такого эгоизма заключается в стремлении рассматривать другого лишь как средство к достижению своих личностных устремлений. «...Поскольку мы не в состоянии отличить хороших от дурных, то даже и перед людьми хорошими и скромными постоянно стоит необходимость не доверять другому, быть осторожным, предвосхищая действия другого, подчинять его себе, защищаться любым способом».³⁴ Естественное состояние — это состояние абсолютной

³¹ Коррупция в России: мониторинг. 23.10. 2013. Интернет ресурс. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114572>

³² Данильян О.Г. Философия права., М.: Эксмо, 2004. С. 233.

³³ Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Наука, С.124.

³⁴ Там же. С. 307.

свободы, полагает философ, в котором нет власти политической и социальной над человеком. Суть естественного состояния в такой трактовке наталкивается на невозможность соблюдения иных естественных прав человека «обязывающих совесть»,³⁵ и остающихся неэффективными без надежной гарантии их соблюдения. Следовательно, ради сохранения собственной жизни, реализации иных естественных прав человека и под страхом насилия со стороны таких же индивидов и общества по отношению к нему, человек вынужден подчиняться. «Только страх, если не иметь в виду благородные натуры, заставляет людей соблюдать законы в тех случаях, когда их нарушение обещает человеку выгоду или удовольствие».³⁶ Право теряет свою самостоятельность. Образу исключительно эгоистичного индивида соответствует образ права, заключенный в государственных дозволениях и предписаниях. Подчинение является выгодным для самого человека, такую выгоду ему подсказывает собственная разумность.

Образ человека в философии И. Канта ориентирован на морального, автономного индивида, способного быть «господином самому себе». Если у Т.Гоббса человек — это существо долженствующее, то у И.Канта — моральное существо, наделенное свободной волей, которая является исходным смыслом права. «Право — это совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы».³⁷ Поскольку человек это не только реальное явление, но и трансцендентальная сущность, которой присуща свобода, ради сохранения последней — подчинение правовым началам есть акт свободной воли. Следовательно, твердые принципы, добровольно выбранные практическим разумом, возводят право в безусловную ценность. Подобная легитимация права возможна в соответствии с категорическим императивом И. Канта. Ценность права также вытекает из возможности ввести в разумные рамки и свободу, и произвол человеческого действия. И, наверное, поэтому возможна социальная легитимация закона. «Карающий закон — есть категорический императив... Ведь если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле

³⁵ Там же. С. 325.

³⁶ Там же. С. 331.

³⁷ Кант И. Сочинения / под общей ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

уже не будет иметь никакой ценности»³⁸. Философско-антропологическая позиция И.Канта является идеальным образцом соответствия «образа права» «образу человека».

Современный образ права, заложенный в Конституции РФ, базируется на безусловных человекоцентристских началах, предполагающих разумность человеческой свободной воли. Суть этого образа человека должна отражать понимание необходимости приоритета прав и свобод человека над государственными и общественными в правовых рамках. В современных условиях социально-правовой действительности в России на наш взгляд абсолютно бесперспективно полагаться на то, что современный человек не нуждается во внешней опеке; более того внутренним критерием для осуществления выбора человека сегодня являются не правовые начала, а эгоцентристские, в большинстве случаев ситуативные. Профанация демократических институтов, (прежде всего выборов), криминализация общества, неправовая культура работы, а зачастую бездействие правоохранительных органов, общая неудовлетворенность уровнем защиты прав человека, коррумпированность власти, судебной системы способствуют формированию образа человека, руководствующегося исключительно своими интересами. Основным становится принцип выживания — устроить свою жизнь сообразно обстоятельствам политико-правовой действительности на основе инстинктивного определения. В условиях девальвации закона, как нормативного регулятора (особенно ярко это проявляется в сфере правоприменения) в действие вступают мотивы сугубо личностной самореализации, сопряженные с оценкой личной выгоды. Более того механическая сила государства, соединяющая индивидов в одно целое, все более не находит оснований для реализации основной функции: охрана и защита индивида на правовом уровне. Сегодня, соблюдение закона из страха не признается, в силу односторонней реализации. Современный российский человек — это существо во многом инстинктивное, реализующееся за счет самосохранения и самозащиты. Ситуация «одинокого воина» в борьбе за право является следствием системного конфликта между государством и обществом. Предпочтительностью подобных поведенческих позиций являются в целом правоприменительная практика и низкий уровень правового сознания. Несоответствие человекоцентризма заложенного в праве и

³⁸ Там же. С. 256.

ситуативного эгоцентризма современного человека, на наш взгляд является немаловажным препятствием на пути развития правовой культуры и правосознания в духе необходимых демократических и духовно-культурных преобразований в стране.

**Культурологическое образование и региональная
культура: пути взаимодействия**
*А. Ю. Тихонова*³⁹

Культурологическое образование — явление многоуровневое и многоаспектное. Понять сущность данного понятия и явления возможно лишь при многостороннем рассмотрении. Парадигмальный характер культурологического образования подчеркивают ученые И. Е. Видт, А. А. Пинский, П. Г. Щедровицкий, И. А. Колесникова и др. Актуально, что границы культурологического образования обширны и культурология становится системообразующей основой всего образования, начиная с дошкольного детства и завершая послевузовской подготовкой. Региональная культура при этом выступает как важная составляющая культурологии и базовая часть содержания культурологического образования.

Региональная культура — достаточно емкое понятие. Вряд ли представляется возможным дать ему единственную и точную дефиницию. Специфика региональной культуры проявляется в духовной и материальной общности людей, проживающих в определенных территориальных, административных, природно-климатических, этнических, экономических, культурно-исторических условиях. Названные условия формируют общность черт быта, труда, разных видов творчества, традиций. При существовании проблем в определении понятийного аппарата региональной культуры, наиболее важным, на наш взгляд, является само обращение исследователей к данной теме. И мы согласны с утверждением С. О. Шмидта, что в сознании народа, и государства в целом, «должна утвердиться традиция

³⁹ Тихонова Анна Юрьевна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии и музееведения ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова». E-mail: TikhonovaAU@yandex.ru Раб.тел.8-8422-44-16-98.

историко-культурного краеведения, воспринимаемая сегодня как одна из возвращаемых дорогих основ местной культурной жизни: в высшей и средней школе, музеях, архивах, библиотеках, общественных объединениях. Развитие культуры и просвещения на местах, воспитание уважения к прошлому и настоящему края, к его обычаям — залог дальнейших социально-экономических достижений и обеспечение видного места в ряду других регионов России»⁴⁰. Обращение к проблеме изучения культуры отдельных регионов такой значительной по территории страны, как Россия, имеет значение для решения многих вопросов, способствующих процветанию единого государства.

На основе рассмотренных позиций в содержании понятия «региональная культура» мы предлагаем собственное определение: «региональная культура» есть исторически развивающаяся в конкретных географических условиях, многоликая, многослойная система созданных человеком материальных и духовных ценностей, социокультурных норм и способов их распространения, потребления; а также как процесс самореализации и раскрытия творческого потенциала личности в различных сферах жизни на данной территории⁴¹. На наш взгляд, данная характеристика не противоречит определениям культурных процессов территорий других авторов.

Культура региона любого ранга уникальна. Своеобразие региональных культурных традиций складывается из географических, экономических и социальных особенностей территории. В региональной культуре отражается социально-исторический опыт живущих на данной территории людей, представителей разных социальных групп, национальностей, вероисповеданий. На протяжении многих веков на региональном уровне идет процесс взаимовлияния, взаимообогащения, но не слияния разнообразных субкультур.

Огромная множественность регионов России, казалось бы, создает определенные трудности при изучении их культуры: может сложиться ощущение, что перед исследователями непознаваемый хаос культурных явлений, событий. Поэтому для конвергенции всей совокупности культурных явлений как целого и необходимо изуче-

⁴⁰ Шмидт С. О. Вступительное слово /С. О. Шмидт //Российская провинция XVIII-XX вв.: реалии культурой жизни. Кн. 1. — Пенза, 1996. — С. 11.

⁴¹ Тихонова А. Ю. Региональная культура: опыт исследования. Монография / А. Ю.Тихонова. — Ульяновск: УИПК ПРО, 2007. — С.24.

ние культуры на конкретной таксономической единице: республике, крае, округе, области, низового административного района. Необходим детальный региональный пространственный анализ культурных явлений. На важность подобных изысканий указывал британский ученый географ Роберт Хартшорн, утверждая еще в начале XX в., что все регионы мира уникальны⁴². Однако категория «уникальность» еще недостаточно разработана в культурологии в отношении региональной культуры.

Понятие «уникальный» во многих энциклопедических словарях определяется как «единственный в своем роде, редкий, исключительный» и подразумевает нетождественность и самобытность. Данное определение напрямую относится к региональной культуре. Неслучайно Н.Я.Данилевский в своей работе «Россия и Европа» еще в 1869 г. утверждал, что «...каждая культура имеет свою судьбу, свою историю, свою систему ценностей ... культуры представляются как автономные и самодостаточные образования, эквивалентные, т. е. равноценные по своей исторической значимости»⁴³. Немецкий философ О.Шпенглер в начале XX в. заявлял, что «уникальность каждой культуры обеспечивается своеобразием ее души»⁴⁴. Проблема уникальности как сочетание разнообразных свойств и качеств любого явления не может быть решена в рамках конкретного метода изучения. Системная природа феноменов индивидуальности предполагает системный подход к их анализу (Т.Ф. Базылевич, Б.Ф. Ломов, В.М. Русалов и др.).

Любая территория России обладает богатыми культурно-историческими ресурсами. Своеобразие и неповторимость культуры малых субъектов государства вызывает пристальный интерес исследователей, доказывающих их уникальность. Например, Ф. Бродель свидетельствовал, что Франция — это «разнообразие». Автор исходит из эпистемологической позиции — первичного взгляда на реальность: «Для начала легче всего представить вещи такими, какими их видишь, какими они кажутся, так сказать, на первый взгляд. Этот первоначальный осмотр подчас убеждает, что единая Франция —

⁴² Hartshorn R. Recent Developments in Political Geography, I. // The American Political Science Review, Vol. 29, No. 5 (Oct., 1935), p. 789.

⁴³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Благовославление, 2011. — С.47.

⁴⁴ Шпенглер О. Годы решения. Германия и всемирно-историческое развитие. / Пер. с нем. В. В. Афанасьева; Общая редакция А.В. Михайловского.— М.: СКИМЕНЬ, 2006.— С.16.

неуловимый признак. Давным-давно, вчера и сегодня существовало и существует сто тысяч Франций. Будем исходить из этого непреложного факта, который не сулит нам никаких неприятностей и даже, пожалуй, не грозит особенными опасностями»⁴⁵. Н. М. Инюшкин рассматривает культуру небольшого региона как «своеобразный синергетический феномен, порождаемый сложным взаимодействием, взаимопротеканием элементов культурных подсистем, испытывающих воздействие множественный неустойчивых факторов, и способствующий не только более динамическому развитию провинциальной жизни, но и формированию в ней особых качеств срединной культуры»⁴⁶. Однако следует заметить, что далеко не всегда в работах исследователей анализ культурного наследия трактуется с исторических позиций, анализируется по этапам своего становления.

Значимость культуры каждого конкретного региона понимается исследователями как реальность, охватывающая множество эволюционных трансформационных процессов человеческой истории. Множественность территорий и народов России создает определенные трудности при изучении ее культуры. Поэтому для конвергенции всей совокупности культурных явлений страны как целого необходимы локальные изучения конкретных таксономических единиц: республик, краев, округов, областей, районов. Важен детальный региональный анализ формирования культурных процессов.

Культура отдельных территорий является в настоящее время предметом исследований (как в России, так и за рубежом) во многих областях знаний, в том числе в таких междисциплинарных науках, как культурология, регионоведение. Выстроена теоретическая база изучения общекультурных процессов территорий; ведущие философы, социологи, культурологи обращают внимание на необходимость исследования локальных культур и субкультур России. Одновременно в регионах страны собран богатейший материал по местной истории, этнографии, фольклористике и некоторым другим культурным процессам.

⁴⁵ Бродель Ф. Что такое Франция? Книга первая: пространство и история. — М.: изд-во им. Сабашниковых, 1994. — С.21.

⁴⁶ Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены — Саранск: изд-во Мордов.ун-та, 2003. — С.4.

На основе проведенного анализа исследовательских работ нами были выявлены следующие наиболее четко представленные направления исследований региональной культуры:

- культурная жизнь малых территорий (сел, городов, губерний, областей) на материале конкретных исторических периодов (Л.Н. Гончаренко, Н.М. Дмитренко, Е.П. Лезина, Г.С. Лялина, Г.Н. Рябова, Д.Н. Смирнов, И.Н. Фельдт и др.);

- культура значительных по площади территорий страны (Ф.Ф. Болонев, Б.Б. Булатов, А.Н. Еремеева, И.А. Ильяшенко, А.В. Карева, Т.Ю. Кочепасова, И.Я. Мурзина, Ю.П. Окунев, А.В. Спиридонова и др.);

- отдельные культурные аспекты в конкретном регионе в конкретный исторический период (Л.М. Артамонова, Н.И. Воронина, Г.Г. Габдельганеева, В.А. Гуркин, И.А. Зеткина, О.Н. Караваева, В.К. Семибратов и др.);

- географическое обоснование формирования культуры конкретной территории (Ю.А. Веденин, А.Г. Дружинин, Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, В.А. Писачкин, И.Е. Поверинов, С.Я. Суций, М.Ю. Юшков и др.);

- этнокультурные традиции отдельных регионов (А.А. Ашхамахова, О.А. Богатова, Г.М. Давлетшин, Р.А. Данакири, М. М. Зязиков, Л.И. Никонова, А.В. Пономарев, М.З. Саблиров, А.Д. Тлеуж, Д.Л. Хилханов, Л.П. Шабалина и др.);

- проблемы управления культурой территории (Л.В. Гильченко, В.Г. Игнатов, В.М. Петров, Е.А. Правилова, А.К. Семенов, И.А. Столяров, П.И. Савельев и др.);

- реализация регионального культурологического компонента в образовании (А.Г. Быкова, Л.К. Ермолаева, Д.А. Кемешев, Е.А. Мирошникова, В.Б. Новичков, В.Г. Рыженко, Д.А. Пряхин, и др.).

На современном этапе развития культурной регионологии становятся актуальными темы, которые еще недостаточно разработаны в этой отрасли знаний, но важные для понимания уникальности культуры каждого региона:

- вклад личности — члена регионального сообщества в развитие культуры территории (С.Б. Бахмустов, Ю.Л. Бессмертный, В.А. Блонин, Н.И. Воронина, И.А. Зеткина, Н.М. Инюшкин, В.А. Юрченков и др.);

- культура народов России, малочисленных по отношению к другим национальностям в нашей стране в целом и в конкретном регионе в частности (Н.М. Мухамеджанова, Т.М. Смирнова, Е.А. Ягафарова и др.);
- религиозная ситуация региона (Д.С. Булдаков, Е.Н. Мокшина, А.Г. Нестеров и др.);
- интеллектуальный потенциал конкретной территории (Ю.А. Волков, Ю.П. Лежнина, А.А. Сидло, А.И. Субетто и др.).

Каждый субъект государства может быть рассмотрен как уникальный культурный объект, обладающий определенным запасом прочности своего воспроизводства, высоким уровнем адаптационных возможностей. Региональный культурно-исторический конструктивный потенциал, накопленный территорией, может быть использован в современных условиях для модернизационных преобразований.

На основе изучения теоретического анализа и собственного научно-методического опыта использования регионального содержания в культурологическом образовании мы предлагаем следующие пути совершенствования системы непрерывности этого процесса:

- создание в каждом субъекте государства единой программы культурологического образования населения, включающей все характеристики многообразия бытовавших и бытующих в регионе культур;
- объединение в этой программе представителей всех возрастных категорий: от дошкольного до поколения третьего возраста;
- подготовка квалифицированных специалистов, демонстрирующих знание региональной культуры, особенностей взаимодействия различных, бытующих в данном регионе культур, умеющих организовать процесс инкультурации;
- участие в реализации программы приобщения к региональной культуре ее творцов, грамотных специалистов (педагогов, психологов, социальных работников, музейных специалистов и др.), членов семей воспитанников.
- интеграция усилий научно-исследовательских центров и лабораторий, объединение усилий представителей науки и практики, научные интересы которых ориентированы на региональную культуру.

туру, через создание общественного объединения, регионального органа печати;

- формирование через СМИ общественного сознания, направленного на познание полилога культур территории, особенностей взаимовлияния различных культур в каждом регионе;
- взаимодействие всех культурно-образовательных учреждений региона при составлении и реализации программы приобщения населения к региональной культуре;
- создание надлежащей учебно-методической базы, систематическая работа по подготовке и обновлению учебников, учебных пособий, хрестоматий, справочной литературы для участников педагогического процесса;
- создание компьютерного банка данных об особенностях полилога культур конкретного региона.

Автором были разработаны программы и методические материалы по ознакомлению представителей разных возрастов с особенностями разных направлений культур Симбирско-Ульяновского Поволжья. Данная работа продолжается. Освоение особенностей региональной культуры нацелено на формирование у населения территории стремления познать, понять, сохранить и возродить культурные традиции своей малой Родины.

**Образовательная услуга — аксиологический аспект
коммуникативной онтологии
Е. И. Ярославцева⁴⁷**

Современная система образования переживает изменения, которые затрагивают ценностные основания жизни человека. Достаточно традиционные образовательные отношения обретают новую глубину, возникает необходимость понимания более сложных, ранее не проявлявших себя, связей. Для решения более сложных задач необходимо рассматривать их с новой точки зрения, пользоваться постнеклассической научной оптикой. Точнее говоря, необходимо анализировать ситуацию как открытый коммуникативный процесс, в котором человек, субъект играет

⁴⁷ Ярославцева Елена Ивановна, старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук, доцент.

формообразующую роль. «Человекомерность» постнеклассического подхода становится нормой, усиливая гуманитарную направленность знания, обнаруживая его ценностное содержание. Аксиологический подход к коммуникативному процессу как к своеобразной онтологии становится все большее обоснованным и продуктивным.

Одна из наиболее сложных проблем связана с изменением контекста отношений между участниками образовательных коммуникаций. Это не только крупные социальные субъекты как федеральные и региональные образовательные структуры, но и конкретные субъекты — социальные институты, вузы, колледжи, школы разного типа, а также педагогическое сообщество, учащиеся — все, кто обычно в нашем представлении создают образовательное пространство. Новыми субъектами образовательного процесса стали родители, которые раньше не воспринимались как консолидированная социальная группа, а также попечители образовательных учреждений, которых в советской системе образования не существовало вообще. Взаимосвязи между этими субъектами сразу предстают как сложнейший процесс согласования интересов, который ранее не обнаруживал себя столь явно. Все эти проблемы были рабочим моментом управленческого процесса, где основным принципом было — выстраивание линейных отношений, поддержание властной вертикали.

Образовательный процесс осуществлялся в этой системе коммуникаций и выглядел упорядоченным и весьма эффективным. Но вовлечение в образовательный процесс в виде самостоятельных субъектов родителей серьезным образом скорректировало систему отношений, тем более, что в роли попечителей часто выступали те же самые родители, поскольку выпускники школ и вузов еще не могли превратиться в таких персон. Институт попечительства учебных заведений пока еще складывается, но как субъект уже вполне способен заявлять о себе и своих интересах. Достаточно активную позицию по отношению к образованию занимают религиозные конфессии, стремясь усилить свое влияние на молодежь. При этом, надо заметить, нерелигиозное мировоззрение в социуме практически не представлено никаким субъектом и в образовательных учреждениях существует в виде светского мировоззрения в очень размытой форме, стихийно. Seriously

изменяется и такой субъект, как учащийся. В первую очередь, в образование активно вовлекаются люди с особенностями развития, имеющие ограничения в области здоровья. На основе компьютерных технологий информацию могут получать и весьма качественно осваивать люди с глухотой, слепотой, ограниченные в передвижениях. Они могут создавать свои сетевые сообщества, объединяться в решении образовательных задач, помогая друг другу.

В связи с умножением активных социальных субъектов усиливается поток взаимосвязей, динамика коммуникаций, что заставляет переходить от властной вертикали к созданию политики взаимодействия и согласования усилий всех субъектов, принимающих участие в формировании системы образования. В философском контексте можно говорить о необходимости выработки понятных и приемлемых для многих, существующих уже сегодня, а также естественно порождаемых социумом будущих субъектов, принципов жизни в новом динамичном пространстве. Такими субъектами могут, например стать коммуникативные системы, формирующиеся на основе современных социальных сетей, дающие интегральный результат взаимодействия уже внутри самого субъекта. Вполне возможно предположить, что развитие цифровых технологий активизирует системы искусственного интеллекта, которые, например, смогут принимать определенные решения при согласовании машинного взаимодействия, что вполне может рассматриваться как определенный субъектный уровень самостоятельности⁴⁸.

В этих условиях интенсивного развития межсубъектных взаимосвязей необходимо ставить вопрос об аксиологических аспектах коммуникативной онтологии, о ценностях, которые приносят в свою деятельность рождающиеся и существующие субъекты, источником активности в которых является человек⁴⁹.

⁴⁸ Естественно дополняющий, например, деятельность чиновников, управленцев. Сегодня уже создано электронное правительство, которое пока воспринимается как метафора. Но с нарастанием технологий по созданию интеллектуальных аватаров, которые могут выполнять рутинные функции управления, отношения государства и общества будут насыщаться «цифровым администрированием».

⁴⁹ Коммуникативная онтология — принцип фокуса // Человек вчера и сегодня. Вып. 5. — М.: ИФ РАН, 2011. С. 76–94.

Его потенциальные возможности делают эти социальные субъекты изначально «человекомерными», но пока слабо владеющими своими возможностями. Они принципиально открыты к развитию и поэтому достаточно хаотичны, незавершены в своем формировании. Основой их согласованного взаимодействия могут быть только ценностные принципы, поскольку функционально они будут всегда специализированы.

Касаясь сферы образования можно сказать, что в ней, как в экспериментальном пространстве происходит сегодня множество изменений и формируются ценностные параметры развития поколений⁵⁰. Образование становится не просто системой трансляции знаний, какой она традиционно представляется, но и сферой практической самореализации человека на важнейшем этапе своего становления. Однако эти потенциальные возможности образования выявляются в теоретическом анализе, но при рассмотрении реальных отношений на данный момент все выглядит иным образом. Пока наблюдается, например, например, на основании обсуждений в Госбукке⁵¹, появление практически провокационных для общества решений, вызывающих острую реакцию, как в самих профессиональных сообществах педагогов, так и родителей, которые не безразличны к тому, чему и как учат их детей.

Для общественного сознания важно, чтобы при любом социальном хаосе была возможность хотя бы в одном институте⁵² заложить устойчивую тенденцию развития. Казалось бы, большее количество субъектов, заинтересованных в создании качественной системы образования должно привести к повышению эффективности решения задач, но их усилия пока не дали ожидаемого результата. Как оказалось, необходимы значительные усилия уже только для того, чтобы просто сохранить имеющийся уровень образования. И тем более серьезной становится нагрузка, когда надо выйти к новым результатам, где невозможно опираться

⁵⁰ Гретченко А.И., Гретченко А.А. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. — М.: Кнорус, 2009.

⁵¹ См. профессиональную сеть ГосБук и обсуждения в сообществе «Программы развития образования...» http://www.gosbook.ru/gosblock_page/community-activities/tab/all/1258

⁵² Речь идет о социальной институции, которая превращается в точку опоры во времена серьезных социальных трансформаций.

на старую систему принятия решений в режиме вертикали, сверху, а необходимо освоить интегративные, горизонтальные системы коммуникации. Как было замечено ранее, в этой области фактически встречаются субъекты, совершенно различные по своей зрелости. Среди них есть как уже точно представляющие свои задачи и функции, так и находящиеся на первых этапах собственного становления, только начинающие вырабатывать свои интересы. И это, безусловно, становится источником скрытых и явных проблем, конфликтов, которые мы сегодня наблюдаем, например, на истории разработки базовых образовательных программ для школ и вузов, новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), технологий тестирования знаний учащихся, выпускников средней школы в рамках единого государственного экзамена (ЕГЭ)⁵³.

Столь интенсивное развитие новых технологий и компонентов образования дополняется новым понятием «образовательная услуга», которое совершенно не характерно для российской системы образования и вызывает бурные протесты. Простое получение знаний от учителя, педагога в конкретном учебном заведении превращается в этом случае в новую систему отношений, где ни один из субъектов коммуникации не имеет опыта деятельности. Трудности возникают как у субъектов управления образованием, которые должны перестраивать свою практику администрирования процесса трансляции знания, так и у вновь формирующихся субъектов, родителей, опекунов, представителей интересов ребенка, учащихся, а также учителей, педагогов. Понятие «образовательная услуга» фактически предлагает разделить всех по принципу «покупатель — продавец», опираясь на простое противопоставление субъектов, создавая очень контрастное представление о системах коммуникации. Естественно, что это задевает основной принцип равенства и справедливости, доступности образования для всех членов общества, и, соответственно, вызывает много серьезных вопросов.

⁵³ К сожалению, приходится заметить, что Единый государственный экзамен (ЕГЭ) призван решать проблемы не образования, а борьбы с коррупцией. Он инструмент, встроенный в образовательное поле, параллельно решающий задачи экспертной оценки знаний. Но, как показало время, коррупция адаптировалась и к этому. А система предметных тестов остается несовершенной.

Человеческий, индивидуальный опыт обучения так же может оказаться мало эффективным, поскольку подобные рыночные, межсубъектные коммуникации должны управляться хорошо разработанным правовым механизмом, которого, естественно, пока нет. Система предоставления образовательных услуг позиционирует каждого субъекта как носителя права и ответственности, которые не вполне еще понятны, а также еще не запрошены самими субъектами. В каком-то смысле эта сфера отношений и коммуникаций пока является «слепым пятном» для каждого субъекта, что порождает как избыточность административной активности, так и пассивность, выжидательную позицию других субъектов. Между ними как правило, не наблюдается того сотрудничества, которое давало бы синергичный результат взаимодействия, открытие новых возможностей, обычно появляющихся в периоды социальных сдвигов. Пока ситуацию можно определить как хаотическое движение и столкновение интересов различных субъектов, выявление ими своих возможностей и перспектив развития.

Но в основном проблемность ситуации связана с тем, что в таком вопросе затрагиваются не просто технические или содержательные стороны знания, которые уже достаточно давно трансформируются, но аксиологические основания коммуникаций человека, при которых знания не рассматривались как предмет торговли. Это тонко чувствуется на уровне массового сознания, в культурном архетипе. Напряженность ситуации связана с переживанием существующих и ожиданием новых неблагоприятных изменений, принятии или непринятии рыночных реформ в столь тонкой области, какой является образование, а также сопровождающее его воспитание. Отсюда понятно, почему аналогия школы и рынка вызывает бурные обсуждения и протест, ведет к взрыву устоявшихся представлений и поведения.

Однако надо заметить, что это своеобразное «де жавю». В начале 90-х годов подобная ситуация была в здравоохранении, когда вводилась система обязательного медицинского страхования и экономическая составляющая стала не служебной, а, практически, ведущей во лечебной деятельности. Но медицинские услуги, несмотря на проблемы с ОМС, стали приемлемой для человека отношений, формой получения помощи. Совершенно иная ситуация с образованием — в нем нет той конкретности результата работы и

трудно выстроить представление о содержании услуги. Вопрос о продаже знания лишает обучение всякого смысла, особенно сейчас, когда существует открытый доступ практически ко всем информационным потокам. Эта проблема пока только формируется и еще не вышла к своему пику. Вполне возможно предотвратить риск возможного взрыва, прояснив особенности подобного рода отношений в поле общесоциальных коммуникаций, а также развивая их перспективы.

Рассматривая образовательное пространство, надо заметить, что социальная реальность становится экспериментальной коммуникативной реальностью: постоянная перестройка системы становится сегодня одной из моделей выживания, связанной с необходимостью жить в условиях труднопредсказуемой реальности. Это одновременно и попытка освоить экономические ресурсы, которые государство инвестирует в образование, и в то же время попытка внести туда много нового, мобильного. К сожалению сейчас стали мобильны не студенты, что было целью болонских соглашений, предельно динамична сама образовательная среда, в которую надо входить молодому человеку. Современная система разрушается и обновляется одновременно, уходит от одних стандартов и не успевает перейти к другим, оказываясь неспособной служить студенту; и он сам не может понять, насколько компетентным специалистом он выйдет из стен вуза.

В первую очередь важно увидеть ценностную природу социальных и индивидуальных взаимосвязей, аксиологические аспекты коммуникативной онтологии. Переформатирование образовательных коммуникаций в России показывают, что происходит глобальное и глубинное изменение отношения к человеку. Яркий пример — трансформация понятия «Аттестат зрелости». Советское образование унаследовало его от «старорежимного» российского⁵⁴ и педагогическое сообщество

⁵⁴ Возможно, многим будет интересно познакомиться с аттестатом зрелости, который получил русский писатель, а по первой профессии — врач, А.П.Чехов — электронную копию его аттестата зрелости сегодня можно увидеть: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Chekhov-attestat.jpg>. В советское время, до войны, была написана книга Е. Ф. Изюмовой «Аттестат зрелости», и уже после войны по пьесе Лии Гераскиной в самодеятельном драматическом коллективе ДК ЗИС (ЗИЛ) поставлен одноименный спектакль, получивший в 1951 г. на Всесоюзном конкурсе народных театров Первую премию. Затем вскоре был снят и фильм "Аттестат зрелости", где одну

стремилось максимально развить представление, что обучение ребенка в школе сопровождает процесс его индивидуального созревания и должно помогать раскрываться творческому потенциалу личности. Безусловно, этот идеальный принцип, приобретший силу стандарта, закрепленного психологическим знанием и общей гуманитарно-социальной направленностью, был важнейшим мотивом человека при получении образования. В школе ставилась задача воспитывать человека, доведя именно до аттестата зрелости и в этом направлении должны были согласовываться усилия всех образовательных структур. Личностная зрелость человека была некоторой границей для школьного этапа образования. Когда зрелость, а по существу, целостная система морально-нравственных качеств, достигала определенной гармонии, нормы, человек обретал самостоятельность, устойчивость и мог окончательно решать, кем быть, начинать поиск работы, а также получать специальное — профессиональное образование.

Зрелость индивида была очень значимым социально-психологическим фактором для изменения формата образования, перехода из школы в вуз. По существу, именно зрелость человека и нужна социуму, поскольку для решения задач развития общество должно опираться на сформировавшееся, хорошо воспитанное и обученное молодое поколение. Сейчас понятно, что этот стандарт, установленный в советской школе, никогда не мог быть полностью реализован. Сам документ постепенно трансформировался в «Аттестат» об окончании учебного заведения, освоении знаний определенного предметного цикла.

Фактически можно констатировать, что происходит серьезный культурный сдвиг: в начале третьего тысячелетия проблема индивидуальной зрелости, а по существу, интеллектуальной готовности к осознанному и ответственному выбору, отошла на второй план. При этом планка возраста, в котором человек начинает получать специализированное обучение, опускается все ниже. Широкое образование, создающее в сознании человека интегральную картину мира, к сожалению, не востребовано. Аттестат, получаемый после школы, становится документом,

из своих первых ролей сыграл студиец, а сегодня известнейший артист театра и кино, Василий Лановой. Понятие «Аттестат зрелости» было в России культурной метафорой нескольких поколений.

который свидетельствует не о зрелости человека, но о его начальной профессиональной готовности. Можно сказать, что именно тут начинаются проблемы в сфере образования — у нее сдвигаются ориентиры развития. Если уже в среднем звене начинают готовить профессионалов, то система не берет, и не будет брать во внимание вопросы, связанные с индивидуальной зрелостью человека. Посредством введения тестовой системы, единого государственного экзамена — ЕГЭ возникает направленность на формирование узкого специалиста, профессионального исполнителя. Начинаясь как эксперимент, который, по существу, имел плохо прогнозируемые результаты, этот формализованный подход к юношескому знанию оказался малоэффективным⁵⁵.

Усиливает эту ситуацию активно развиваемые и внедряемые в федеральные образовательные программы критерии компетентности, которые начинают проникать не только в вузовское образование (ФГОСЫ разных поколений), что достаточно закономерно, но и в школьные системы оценки развития ребенка. Зрелость заменяется набором компетенций, которые «подают» ребенка в свете его готовности успешно выполнять те или иные функции. По существу, это уже характеристика не только знаний, но и психо-физиологических способностей учащихся. Она совершенно не способна открывать глубину природных талантов человека, но может лишь показать границы его возможностей для применения на рынке труда.⁵⁶

⁵⁵ Несмотря на то, что ЕГЭ проводится практически десять лет и не решило основных декларируемых задач: повышения доступности высшего образования и уход от коррупции в системе подготовки к обучению в вузе, тестирования не отменяется. Его стараются модифицировать, открывая доступ к системе вопросов, давая возможность предварительной самостоятельной подготовки, чем-то похожей на подготовку к участию в Олимпиадах. Однако, в ряды Олимпийцев попадали те дети, которые вовлекались в работу постепенно и были способны адаптироваться к тестовым заданиям, экстремальным условиям соревнования, а не все поголовно. Тестирование как экспертный инструмент оказался локально эффективным, имеющим ограничения для тотального использования. Такой обезличенный тип проверки знаний, начинающий играть все более серьезную роль, показывает высокий уровень формализации, доминирование количественного, а не качественного подхода.

⁵⁶ По какой причине эта система понятий вводится в оценку детских способностей, когда их труд официально невозможен, остается непонятным. Возможно, действует принцип всеобщей унификации, который кажется некоторым чиновникам от образования достаточно хорошим способом выявления социальных рыночных потенций. Но в таком случае можно сказать, что такие специалисты

Можно с сожалением заметить, что в качестве субъекта образовательного процесса, заказчиками специализации в развитии ребенка все чаще начинают выступать родители. Они заранее «оптимизируют» траекторию образования, стремясь превратить ребенка в востребованный на рынке продукт, который впоследствии сможет сам себя пристроить. Это современный социальный и, к сожалению, устоявшийся культурный феномен, когда усилиями взрослых ребенок превращается в функцию, не успев сформироваться как личность. Он имеет весьма давнюю традицию, связанную с развитием талантов в человеке, привлечению его к ранним посильным занятиям в спорте, танцах, музицировании и пр. Постепенно такие наклонности стали областью соревнования и потребовали все более раннего включения в занятия, более серьезных временных затрат. Спорт, балет резко «помолодели», занятия в художественных и музыкальных школах становились регулярными для детей с ранних лет. Начинался жесткий отбор, ребенок для мастера становился «материалом».

Но все же в этом специализированном школьном художественно-эстетическом и спортивном воспитании еще не было всеобщего охвата и обязательности, когда все без разбору попадали в тотальную систему обезличенных оценок. Ребенок мог отказаться от занятий, опираясь на чувство «нравится-не нравится». Сегодня в условиях всеобщего образования эта возможность может оказаться исчезающе мала, поскольку она гарантирует не просто получение знаний, но и оценку их сквозь призму «компетенций» посредством системы, которая еще не имеет необходимой степени гибкости, не опирается на качественные критерии развития человека.

Возвращаясь к вопросу о проблеме «образовательных услуг», мы обнаруживаем весьма серьезную этическую проблему. Оказывается, что те, кто протестует против «образовательных услуг», превращающих школу в рынок — родители, как ни парадоксально, оказываются самыми активными участниками деструктивного в личностном отношении, процесса превращения малолетних граждан в потенциальных работников, ограничения их возможности развития. Данное противоречие: неизбежное

совершенно некомпетентны в вопросах социального развития и не представляют, а скорее всего, не хотят представлять, уровень сложности образовательных коммуникаций, создающих высокопрофессиональных специалистов.

столкновение *желаемого* — гарантий устойчивости в будущем, с *действительным* — предложением увидеть ребенка как некоторую функцию, по существу, сегодня самая напряженная, конфликтная точка развития общества. Гарантии хотелось бы создать пораньше, поэтому приходится принимать правила игры в формализацию потенциалов человека.

Однако, они ведут в тупик. При введении принципа ранних профизмерений могут возникнуть, как ни странно, риски блокировки профессионального развития. Учащиеся могут оказаться не готовы к освоению тех специальностей, которых на момент обучения человека в школе, еще не существует. Динамичность изменения условий существования в социуме, стремительность конкуренции знаний требует поддержания открытости и гибкости систем коммуникаций, которые являются условием для опережающих перестроек. Гибкая профессиональная настройка в будущем невозможна при ранней формализации деятельности человека.

Необходимо рассмотреть саму суть, ценностную основу межсубъектных коммуникаций, взаимосвязей, которые выстраивают между собой субъекты образовательного процесса. Коммуникативные пары: «родители-учителя», «дети-учителя», «директора школ-родители», «директора школ-руководители образовательной системы» и др. субъекты решают не столько техническую задачу по организации обратной связи, но, в первую очередь, призваны создавать среду взаимопонимания и открытости. Эта ценность не возникает автоматически, она всегда рождается из конкретных целей и задач членов общества, являясь результатом целенаправленных гражданских взаимодействий.

Пока же современный российский социум создает такой формат отношений с индивидом, из которого, к сожалению, все больше вымывается гуманитарная составляющая. При построении коммуникаций начинают преобладать не лично значимые качества человека, а формальные критерии его деятельности, набор абстрактных компетентностей. Образование в такой системе взаимоотношений превращается из социального лифта в механизм выполнения заказа на подготовку трудовых ресурсов от работодателя, которым сегодня является уже не государство,

озабоченное воспитанием человека, а собственник, думающий только о прибыли, личном капитале.

Всякое знание фактически имеет превентивную функцию, предупреждающую риски развития субъекта, о которых может сообщить предыдущее поколение. В культуре выработано много механизмов трансляции знания, сложилась достаточно устойчивая система образования, позволяющая удерживать в памяти необходимый опыт. Замечено, что познание — собственно когнитивный процесс становится весьма эффективным, когда происходит как некоторое яркое событие. Сегодня образование начинает втягивать в свою сферу детей с очень раннего возраста и опора на такие приемы позволяет человеку усвоить необходимые знания. Возможно поэтому значительное число учебных программ, связанных с историческим знанием или со знанием в области журналистики, используют данные, которые вызывают конфликт, ведут к скандалу. Острые реакции, обсуждения, рассуждения фактически актуализируют личностное отношение человека к событию. В этот процесс познания вовлекаются и те, кому сложно осваивать знания, основанные только на логике. Подобная форма предоставления знаний может привлечь в образование и тех, кому раньше стандартное обучение вообще было недоступно по причине их психологических и физиологических состояний здоровья, создавая новые категории учащихся.

По существу, рассмотренные проблемы и есть проявление, как было отмечено ранее, экспериментальности, динамичности системы образования. Все современные образовательные технологии, современные мультимедийные инсталляции, интерактивные средства обучения, 3D объекты и 4D пространства — все это используется, чтобы вызвать у человека интерес к получению знаний, создания личного благоприятного опыта отношений с внешним миром, постижения сложности решения ценностных задач. Обнаруживается интересная закономерность: постоянный эксперимент в сфере познания, постоянная активация гносеологических познавательных установок человека возможна только посредством такого эффекта, как «чудо», которое создает внутренний конфликт, противоречие, своеобразный взрыв — прорыв в неизведанное. Если говорить точнее, индивидуальное чудесное прозрение, открытие, создает между человеком и природой новую необычную

коммуникативную реальность и вызывает значительное смещение в личных мировоззренческих представлениях, обогащает их и усложняет⁵⁷. Современная система образования, собственно когнитивные коммуникации, которые необходимо сохранять усилиями и согласованным взаимодействием всех субъектов образования, имеет в своем багаже много возможностей создания этого познавательного эффекта, разрабатывает на основе современных компьютерных технологий новые методы формирования знания. Это способно расширить потенциальные возможности общества, несмотря на кризисные ситуации, сохранить образование как культурный институт, по существу, ориентируя человека в будущее, закладывая этические принципы расширения его отношений с миром природы, а также с социумом.

Человек, получая знания, должен становиться компетентным не только в некоторой профессиональной сфере, которая будет развиваться на рынке, но и в области становления своей субъектности, проявления собственной индивидуальности. Соотнося свои потенциальные возможности с потенциями мира, человек будет наиболее оптимален и эффективен в своей деятельности.

⁵⁷ Коммуникативная онтология — принцип фокуса // Человек вчера и сегодня. Вып. 5. — М.: ИФ РАН, 2011. С. 76 — 94.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Костина А. В.</i> Массовизация образования — массовизация общества	3
<i>Турбовской Я. С.</i> Соотношение категорий «инновационное развитие общества» и современная «кросс-культура» как объект методологического рассмотрения	11
<i>Луков Вал. А., Луков Вл. А.</i> Гуманитарное знание в вузе и тезаурусная концепция	20
<i>Макаревич Э. Ф.</i> Культура информационного общества как противостояние традиций и постмодерна, критического и рационально-инструментального знания	28
<i>Меликов И. М.</i> Культура как инструмент понимания истории	39
<i>Сандул Я. В.</i> О связи между «образом права» и «образом современного человека» в российском обществе	48
<i>Тихонова А. Ю.</i> Культурологическое образование и региональная культура: пути взаимодействия	52
<i>Ярославцева Е. И.</i> Образовательная услуга — аксиологический аспект коммуникативной онтологии	58

Научное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

X Международная научная конференция

Москва, 14–16 ноября 2013 г.

Доклады и материалы

Секция 1

Философия образования

Выпуск 2

Ответственные редакторы

доктор философских наук, доктор культурологии

профессор А. В. Костина

доктор философских наук, профессор

Вал. А. Луков

Издательство Московского гуманитарного университета

Подписано в печать 11.11.2013 г. Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 4,5

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности 5. Тел. (499)374-75-80